

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
ЗОЛОТОЕ
ЛЕТО

Галина Дмитриевна Гончарова
Золотое лето
Серия «Времена года», книга 4
Серия «Колдовские миры
Галины Гончаровой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67684104

Времена года. Золотое лето / Галина Гончарова: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-169385-5

Аннотация

Заключительная часть популярной тетралогии Галины Гончаровой. Читатели наконец-то узнают финал истории!

Чаши весов качаются, а равновесие никак не наступает. Где же оно? В Русину пришло теплое, солнечное и золотое лето, а вот мира и покоя на земле нет. И продолжает литься кровь, и продолжают греметь орудия. В гражданской войне жизнь человека дешевле пули. Даже если это жизнь императрицы. Но и в России Анне скучать не приходится. Не оставляют ее в покое ни свекровь, ни враги Бориса Савойского. С чем-то подарок Хеллы может справиться, а что-то и богам неподвластно. И не могут боги отменить свои слова. Пришло лето. Девушкам пора уходить на перерождение. Или есть возможность еще немного

задержаться? Этого не знают даже боги. Они могут играть людьми, но предсказать человеческие поступки иногда и им не под силу. Сумеют ли девушки удивить богов и выиграть свою жизнь? Они постараются. Ради детей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	50
Глава 3	97
Глава 4	139
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Галина Гончарова

Золотое лето

Глава 1

Прекрасные сласти давали в саду¹

Яна, Русина

– Мама, мамочка...

Гошка повис у женщины на шее, словно камень. И точно так же Яне хотелось сейчас уйти на дно. Куда-нибудь в глубокое темное озеро. Туда, где тихо, спокойно, безопасно... где никто не сможет разлучить ее с сыном! Где не надо будет расцеплять руки и уходить.

Где можно будет остаться навсегда.

Вместе.

Ее мальчик плакал.

И за эти слезы она готова была убивать и умирать... вот второе ей сделать и придется. И хорошо, если ее сын будет подальше отсюда в эту минуту. Ни к чему ему видеть смерть матери.

Не надо...

Это единственное, что могло заставить Яну отпустить мальчика. Только это. И улыбаться. Храбро и спокойно улыбаться, хотя на душе даже не кошки скребли – там целый

---

¹ Все названия глав взяты из стихотворения Юнны Мориц «Лето». (Прим. авт.)

приют для бездомных зверей прописался. И активно разрывал эту самую душу когтями.

Чего ей стоило не плакать?

Шпильки стоило.

Всего лишь одной намертво сжатой в кулаке шпильки, которая сейчас до крови впиалась в ладонь, пробила кожу и причиняла острую боль. Но это было не важно. Лишь бы держаться...

– Солнышко мое родное... я обещаю, что приеду! Ты отправишься с дядей Федей и будешь меня ждать. Учиться будешь, а я постараюсь побыстрее.

– Мамочка, почему нельзя поехать вместе?

– Георгий Петрович, вы прекрасно знаете почему.

Гошка знал.

И знал, когда мама начинает говорить таким тоном, лучше не связываться. Переспорить ее все равно не выйдет. А вот потом можно и что-то свое решить.

– Мама...

И прижаться покрепче. Вдохнуть еще раз этот особенный, родной запах. Каждый ребенок знает свою маму. Каждый любимый ребенок...

Ее голос, глаза, руки, запах, ее улыбку. И все это дарует ему ощущение безопасности.

Мама рядом.

Ничего плохого случиться не может.

Яна последний раз поцеловала сына, подмигнула Мишке

и Машке. Помахала рукой Топычу. Они все уже были в вагоне, и только они с Гошкой обнимались на перроне, не в силах оторваться друг от друга.

– Люблю тебя, сынок...

Последний поцелуй во влажные от слез щечки – и решительное движение руки. Как же тяжело осознавать, что она никогда, никогда его больше не увидит.

Какое же это страшное слово – никогда.

Но Гошка будет жить!

Он будет жить, радоваться, учиться, смеяться, потом жениться, и у него будут дети. А у нее внуки. Она их и не увидит никогда (опять, опять это жуткое слово), но разве это важно?

А может, еще и удастся договориться с Хеллой? Может, ей новая сова нужна? В Русину? Яна и на веточке посидит, она не гордая! Посмотрит на сына издали или там волчицей побегает... да хоть и ковриком у порога полежит! Лишь бы знать, что с ее мальчиком все хорошо.

Лишь бы беречь его. И в жизни, и после смерти.

Яна стояла на перроне до последнего. Пока паровоз не превратился в точку. Пока даже дым не растаял в синей дали. А потом повернулась к Валежному, который не трогал ее. До последней секунды не трогал, давая пережить и разлуку, и боль утраты...

– Что у нас по плану, тор генерал?

– Ваш приезд, ваше императорское величество.

– Замечательно. Только принесите мне чистый бинт.

– Бинт, ваше императорское величество?

Яна криво усмехнулась – и разжала ладонь, показывая, как впились под кожу острые металлические кончики шпильки. Валежный даже поморщился. Крикнул, чтобы принесли все потребное и привели доктора, но Яна справилась сама. Даже с улыбочкой.

Левая рука болела немилосердно. Шпилька вонзилась глубоко. А стоило ее выдернуть – потекла кровь. Ну и ладно, не смертельное ранение.

Прибежавший медик что-то закудаhtал, Яна осмотрела содержимое его чемодана, выдернула склянку с медицинским спиртом и от души плеснула на рану. Ощущение было – как жидким огнем по коже. Еще бы внутрь принять... но это уже – нельзя.

Впрочем, Яна была рада боли. Она очень хорошо отвлекала от душевных терзаний.

Гошка, сын мой родной...

Один раз мать предала тебя.

Один раз поставила свои интересы вперед твоих.

Больше я так не поступлю. Даже если я сломаюсь, это не важно. Важно, что у тебя все будет хорошо. А я... а мне уже и немного осталось. Месяца три, не больше. Лето наступает...

* * *

– Почему?!

Гошка ревел от души и не собирался сдерживаться. Сложно разлучаться с мамой.

И взрослому-то сложно, а уж маленькому, беспомощному и беззащитному, терять единственного родного человека... и не говорите, что это на время! Больно каждый раз! Вне зависимости от времени и возраста!

Федор Михайлович плюнул на все. На титулы, на звания, на то, что Гошка – Воронов, может, единственный наследник династии...

Алексеев?

Да кто там будет слушать какого-то Алексеева? Тьфу на него три раза! Даже если он с главной колокольни страны оратор будет, Гошка – все одно Воронов. Сын последней императрицы Русины. А закон... слово Анны – и есть закон.

Купец подхватил мальчишку, прижал к себе покрепче и как мог убедительно заговорил:

– Гоша, сынок, она приедет.

– Правда?

– Она обещала?

Гошка всхлипнул и покачал головой.

– Н-нет... мама сказала, что все для меня сделает. И любить будет. А когда заберет – не сказала.

Федор Михайлович скрипнул зубами.

Все он знал, все понимал, но тора Яна! Неужели нельзя было соврать малышу?! Ну хоть какие-то сроки назвать? Хоть год! Уж что-то решилось бы за год, нет?

И тут же сам себе ответил.

Нельзя.

Рано или поздно дети вырастают. Понять ложь они могут, и принять могут, и сами лгать будут, но простить своих родителей? Простить за этот обман?

Никогда.

– Это потому, Гоша, что ей сейчас очень трудное и страшное дело предстоит. Страну с колен поднимать – не выдох сделать...

– Знаю. А еще мама сказала, что я – ее уязвимое место. И ради меня она что угодно сделает.

– И это не тайна. А потому побереги себя, малыш. И я тебя поберегу. Если ты рядом с ней останешься, и она о деле думать не сможет, и ты в опасности будешь. Знаешь, сколько людей тебя захотят использовать? Даже представить страшно. А если похитит кто? Обидит? Вот мама тебя и отослала. А по срокам ничего не сказала, потому как и сама точно не знает. Уж очень тяжкое ей дело предстоит. Тут не скажешь – месяц или год уйдет.

Гошка длинно вздохнул и прижался поближе к купцу. Федор Михайлович погладил короткий хохолок на макушке мальчика.

– Все можно исправить, пока мы живы, Георгий. Все можно исправить.

– Правда?

– Правда.

Только вот утешить мальчика могли совсем другие слова. Что мама придет, заберет его, что все будет хорошо. А их-то Федор Михайлович и не мог произнести. Словно горло петлей сдавило.

– Давай помолимся, Георгий. Чтобы все у нее получилось.

– Д-да... пусть все п-получится...

– Твоя мама все сделает, чтобы вернуться за тобой. Она тебя любит. Просто так уж получается, родись она в обычной семье, было бы и легче и проще. Но кровь диктует и спрашивает. Тора Яна могла бы предать, уйти, сбежать, но тогда бы она не была твоей мамой. Она бы сломалась, и ты первый рано или поздно не простил бы ей этого поступка. Как рано или поздно не простишь себе какой-то слабости. Ты ведь не просто Алексеев, ты ее сын и Воронов. В твоей крови право и власть древней фамилии. А власть – это не только привилегии. Это ответственность.

И снова Гошка не стал возражать.

Любит... мама постоянно говорила, как она его любит. И не просто говорила – доказывала делом. Приехала, спасла его, увезла от войны... собой пожертвовала ради сына. Это не пустые слова, это настоящая любовь.

Мамочка, я тебя тоже люблю. Побереги себя, пожалуйста... ста...

Тор Изюмский мерил шагами площадь.

Нервничал.

Когда Валежный прислал ему письмо, он и глазам-то своим не поверил. Чудо?

Больше, чем чудо!

Или – подделка? Мистификация?

Это тоже возможно... верить не хотелось, но Валежный был до боли, до крови предан Русине. И если для того, чтобы она жила, нужна фальшивка... он не поленится таковую состряпать.

Или все же?..

Ответа не было.

Николай Николаевич так и не смог замереть на одном месте. Только когда медленно подкатил к перрону паровоз, тянувший шесть вагонов, он опомнился, встряхнулся – и вытянулся по стойке «смирно».

Грянул марш.

Медленно, очень медленно, словно время вдруг стало киселем, сквозь который продирались липкие жирные мухи, двое солдат соскочили на перрон, приоткрыли дверцу и поставили лесенку.

И взяли на караул².

Первым из вагона молодцевато выскочил тор Валежный. И помещик Николай Изюмский, глядя в его глаза, вдруг успокоился.

А ведь и верно.

Все будет хорошо?

Она выпрыгнула из вагона так легко, словно ничего не весила. Не стала медленно спускаться по лесенке, придерживая пышную юбку, да и юбки никакой не было.

А что было?

А был тот самый брючный костюм. Да-да, тот самый, пошитый еще в Ирольске и проехавший с Яной через всю Русину. Валежный уговаривал ее надеть нечто «более приличествующее статусу», но генерала разгромили подчистую. Может быть, впервые в жизни.

Яна насмешливо подняла бровь и поинтересовалась, как ей в платье воевать, убегать, падать, перекатываться, стрелять... не желает ли тор генерал опробовать сие? Не на себе, так на ком-то из своих людей.

Ах, не придется защищаться?

Тор генерал, мой отец тоже так думал. А я лучше с пистолетом похожу. Так, для душевного спокойствия... кстати, не хотите ли кобуру на пояс к платью привесить? Нет? Стиль не тот?

Валежный понял, что не победит, и проявил мудрость

---

² Взять на караул – отдать честь воинским ружейным приемом. (Прим. авт.)

полководца. Пошел в обход.

Яна отказалась от платья?

Ну так сделаем все возможное, чтобы она в остальном не отходила от канона. Найдем куафера, который уложит волосы в сложную прическу, найдем драгоценности, которые соответствуют статусу, не кольца, кольцо может быть лишь одно, но серьги? Возможно, колье?

Да и костюм костюму рознь, закажем попросту мундир для ее императорского величества. А что?

Она же официально является шефом полка, правда, не этого, но... разве теперь важно? Валежный просто приказал пошить мундир на ее величество – и Яна не стала отказываться.

Оговорила для себя пошив еще одного костюма – и только.

Но форма была еще не готова, построить мундир в нынешние непростые времена сложно. Галун, басон, шевроны, выпушка... да много чего! И сукно возьмешь не всякое, и шить надо бы не кривыми руками...

А представляться народу необходимо.

Яна обвела взглядом перрон.

Нет, не было у нее Аниной харизмы. И привычки подчинять себе людей тоже не было. Но сейчас и не надо. С какой надеждой на нее смотрели собравшиеся... у Яны комок в горле застрял. Пришлось судорожно сглатывать и давиться желчью.

Она вдруг поняла, что Валежный был прав.

Не в войске, не когда ехала к границе, а вот именно сейчас поняла. Сердцем ощутила. Прочувствовала до самого нутра.

Когда стояла на перроне, когда люди смотрели на нее, и в глазах у всех читалось одно и то же.

Останови ЭТО. Пожалуйста...

Довольно безумия, хватит гражданской войны, дай нам мир, дай нам хлеб, спокойствие, безопасность... мы не хотим бояться за своих детей!

Да, трава для коней, вода для людей, будущее для детей. Война и революция лишали всего. И самое страшное – последнего. И детей, и будущего.

А осознав происходящее, Яна едва не застонала.

Люди, да вы что?! Я же... я не смогу, не справлюсь, я обычный человек...

Больше всего ей сейчас хотелось нырнуть под вагон – и помчаться куда глаза глядят. И поверьте, ее не догнали бы и на гоночном автомобиле. Но...

Нельзя.

Яна медленно расправила плечи, подняла руку вверх и улыбнулась. Ладонь ее была видна очень хорошо. Перевязанная белым бинтом, с красной капелькой крови в центре. Проступила...

И тишина.

Такая, что шпилька упади – слышно будет. Даже дыхание все затаили.

– Народ мой! Здесь и сейчас я прошу у вас прощения.

Медленно, при всех, на грязном перроне, опустилась на колени императрица Русины.

Опустилась на колени перед теми, кто пострадал по вине ее отца. Может, и не хотел Петер. Но это его глупость, слабость, потакание жене довели до такого. Это он все развалил. И если кто-то скажет, что смерть все искупает...

Ни черта!

Не искупает она ничего! Помереть просто. А ты поди исправь все то, что натворил, и расхлебай, что заварил. Сможешь?

Нет? То-то и оно. А помрешь – и все, ни горя, ни забот, только жалость и слезы. Даже обматерить покойника толком нельзя.

А вот выкопать и на свалку выкинуть – иногда и стоило бы. Гадко воевать с костями? А это не война. Это – справедливость.

– Перед вами виноват мой отец – он это допустил. Перед вами виновата я – я должна была его остановить...

Тор Изюмский смотрел на профиль девушки.

Да, это действительно императрица.

Копия Петера. Это сразу видно тем, кто хоть раз... даже не то что видел императора. Видел его профиль. На монете, бюсте... Яна была копией своего отца. Только в женском варианте.

Тот же высокий лоб, короткий прямой нос, те же глаза, во-

лосы... разве что подбородок, наверное, достался ей от матери. Петер нарочно отращивал бороду, чтобы скрыть слабость характера, вялость губ... а вот Аделина отличалась решительностью. Так что подбородок у Яны был вполне упрямым.

Да, это определенно принцесса Анна. У Николая хранилась вырезка из газеты, и сейчас он мысленно сравнивал... Непривычная прическа. Непривычное выражение лица. Но это – она.

Валежный совершил чудо.

Он нашел законного наследника престола.

Слова медленно слетали с ее губ. Словно камни.

Те самые, что вешают на шею. Вериги? Обеты?

Не важно, все одно – снимать нельзя.

Щелкали магниевые вспышки, лихорадочно строчили в блокнотах репортеры (эту заразу никакой революцией не возьмешь), а Яна внятно произносила давно обдуманное ею слово.

Проклятая ответственность.

Она думала об этом, пока поезд мчал их к границе.

Думала ночами, не имея возможности обсудить это ни с кем иным, думала, лежа рядом с Гошкой и перебирая мягкие волосенки своего сына, думала...

Она обречена.

А вот люди должны жить.

Она обречена. Но ее сына и ее сестру это затронуть не

должно.

Она обречена. Но Русина должна выстоять. А чтобы это произошло...

Людям нужно знамя.

Причем – конкретное. И не так, чтобы она померла – и все рухнуло. Нет! Так, чтобы она померла как символ. Как мученица... вот в христианстве это хорошо провернули! Идеологи померли, а идеи вон сколько уже живут! И не придавишь!

Яне требовалось то же самое.

Отречься от трона она не может. Но постепенно продвигать в массы идею, что династия Вороновых оказалась недостойна и прохлопала... крыльями все, до чего дотянулась, – можно. А значит, династию надо менять.

Вот Яне подберут мужа, разумеется, достойного, и она передаст всю власть ему. А чтобы уж до конца...

Хотели вы хунту?

Вот ее и получите! И парламент, сволочи!

Идеальная форма правления? Ой, да не смешите мои тапочки! Это не идеал, а слезы горькие. Но в том-то и дело, что лучшего выхода нет. Империя?

Да, с точки зрения Яны, это была идеальная форма правления. При идеальном монархе. А вот такого и нет. Вот где они водятся?

Чтобы умный, решительный и ставил интересы страны вперед своих? Даже не так... чтобы интересы страны были и его интересами. Нет таких?

Нет...

Беда...

Не могла Яна никому доверять. Валежный? О стране он заботится искренне. И поэтому понимает – не потянет. Выиграть войну он сможет. Выиграть мир – тут нужны другие таланты. Но взять их негде.

Остается лишь одно.

Выйти замуж, а потом торжественно умереть. Красиво так... мученически. Чтобы народ уверился, что принесена искупительная жертва... как-то так.

Именно к этому она сейчас и готовила свое окружение. А случай сложить голову?

На войне?

Долго искать не придется.

Русина, Звенигород

– Что происходит?!

– Глянь! Энто как?

– Ась?! Чаво?!

– Горим, родненькие! Горим, не иначе!

– Молчи, дура!!!

И звук затрещины. И крики, и шум, и гам...

Над столицей, над древним городом Звенигородом, плыл малиновый, хрустальный, безудержный колокольный звон.

Тот самый Царь-колокол...

И не было никого на колокольне, чай, не дураки, все видят: на улице день белый, и колоколья-то заколочена наглухо, и пролет там обрушился лестничный...

О попытках жома Пламенного повоевать с Царь-колоколом и о полном его, Пламенного, поражении в столице знали даже крысы в канализации.

И если колокол звонит...

А он звонил, и кто-то из людей вдруг сообразил...

– Анператор! Люди, да то ж анператор возвращается!

Кто-то закричал, кто-то выстрелил, но было уже поздно. Смутьяна услышали. И лови его теперь, не лови... идеи действительно живут дольше людей.

Вслед звону поплыл, пополз шепоток, волной окутал площадь, и до вечера наверняка весь Звенигород будет в курсе. А там и дальше разойдется...

Возвращается император...

Колокол предвещает.

Он-то врать не будет, чай, не газета! В той сбрехнут – недорого возьмут, а тут-то все настоящее, от предков, древнее камней на мостовой, древнее самой столицы...

Анператор возвращается!

Анна, Россия

Анна не ругалась матом. Но иногда очень хотелось. Казалось бы, ненадолго отлучилась из дома – и что?

Да, из дома.

Особняк Савойского стал для нее тем, чего никогда не было у княжны Анны.

Дворец – был. Даже дворцы.

Роскошь, почитание, преклонение, спальни, гостиные, анфилады комнат и блеск позолоты. Прислуга и фрейлины. Гвардейцы и лакеи. Император и императрица. Великие княжны. А вот дома и не было.

Дом – это ведь не камни и не тряпки, это место, в котором тебе тепло и уютно. Нет, это не баня и не сауна. Это место, куда ты хочешь возвращаться, где живут в безопасности твои родные и любимые, место, в котором тебя примут и со щитом, и на щите, и даже под щитом.

Да хоть как! Только приходи наконец!

Это твои близкие и твой дом.

У Ани теперь все это было. И она была полна решимости защищать свое.

Пусть ей осталось немного! Не важно!

Это не повод отказываться от своих близких! Пусть она может дать им совсем мало времени, но она хотя бы покажет, к чему стоит стремиться!

Сегодня она решила навестить свою старую квартиру. Проверить, как там дела, как соседи...

Дошла. И даже поболтать успела с Ольгой Петровной, вот бы кого вместо служебной собаки! Как она только чувствует, когда кто приходит? И ведь выскакивает!

А потом Кира опять прислала сообщение.

«Анечка, срочно нужна помощь».

И адрес.

Телефон ее не отвечал. А Борису Анна звонить не стала, мало ли что? Да и ехать было недалеко. Буквально два шага. Проще даже добежать, посмотреть, что и как, на месте, и решить, кому звонить. Мало ли во что девочка могла вляпаться?

Репутация, знаете ли, страшная штука, особенно девичья. Беречь требуется.

Вот и указанный дом.

М-да. Раньше так строили. Четыре квартиры, четыре отдельных входа, четыре крылечка с четырех сторон. Предок таунхаусов. Рядом с каждым крыльцом палисадник, три более-менее ухоженных, а вот тот, к которому ее вызвала Кира, вообще травой по пояс зарос.

Анна поежилась.

Попробовала еще раз набрать Кире.

Нет ответа.

И что тут происходит? Куда вляпалась ее подопечная? Казалось бы, у Анны законный выходной, а Кира должна быть в школе. У них там какие-то мероприятия. Но девочка написала про город, а Анна все равно здесь.

Вот и добежала.

Анна, преодолевая дурные предчувствия, поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

– Войдите, открыто, – прозвучал насмешливый мужской голос.

Анна спокойно толкнула дверь.

Да, по случаю весны руки у нее были в перчатках. Кожа-ных, тонких, отпечатков она не оставит.

– Кира?

– Ты проходи, проходи. – Голос был неприязненным. – У нас долгий разговор будет.

Аня только что плечами пожала, мгновенно успокаиваясь. Если это не Кира... ну и не страшно тогда ничего. И что же вам надо, Иван Игоревич? Судьба Лизы, вашей сестры, ничему не научила?

Внутри предок таунхауса выглядел достаточно убого. Крохотная, размером с клетку для канарейки, прихожая, из нее проход в гостиную, из той – в кухню и спальню. Из кухни открывается вход в санузел. Да, тяжело тут жить, наверное.

И ремонта последние лет пятьдесят не было, обои еще Хрущева помнят, вон газетная вырезка на стене, с фотографией Никитки и кукурузы. И там еще кто-то на заднем плане. Видимо, дорогой хозяину человек, иначе не вывесили бы эту газету на стену как реликвию.

Стены грязные, полы замызганные...

– Добрый день, Иван Игоревич. Где Кира? – ледяным тоном поинтересовалась Анна.

– В школе, конечно.

– А сообщение?

Парень кивнул в сторону компьютера.

– Сейчас такие умельцы водятся. И сообщение можно отправить с любого номера.

– Понятно. Итак, я вас слушаю. – Анна даже не перехватывала инициативу. Не издевалась.

Сказано про долгий разговор, вот и не надо терять время.

Молодой человек Аниным терпением и воспитанием не обладал, а потому и начал «в лоб»:

– Сколько тебе Борька платит?

– Простите?

– Сколько Борька тебе платит за то, что ты с ним спишь?

Анна перебрала все варианты ответа. Отрицать? Глупо, они особо в городе и не прятались, только в доме, чтобы дети не видели. Соглашаться? И озвучивать цену? Фу! Утверждать, что она не продается?

Смешно как-то...

Анна растянула губы в улыбке:

– Это бонус.

Такого ответа он не ждал, и даже замешкался на минуту. А потом...

– Бонус, значит! А моя сестра как там оказалась?

– Где именно?

– Ты Борьку науськала от нее отделаться?

Анна качнула головой:

– Нет. Я знала, что она изменяет Борису Викторовичу, но идей ему не подавала.

– Врешь!

– Считайте, как вам удобнее.

Иван считал. И выглядел сейчас очень решительно.

– Раздевайся.

– Зачем?

– Фотосессию устраивать будем. Сейчас ты разденешься, выпьешь таблеточку и продемонстрируешь чудеса камасутры. А потом... отправлю все Борьке.

Анна даже не испугалась.

Сломалось в ней что-то очень важное. Сломалось после четвертой жертвы.

– А с кем я буду эти чудеса демонстрировать?

– Для начала со мной. А потом еще кого-нибудь позовем, тут народ за бутылку что хочешь сделает!

Спокойствие Анны сбивало Ивана с толку.

Вот бы она начала, как приличная женщина, кричать, бороться, драться... тогда было бы проще. Можно было бы схватить ее, скрутить...

Анна даже не двигалась особо. Стояла, смотрела...

Руки спокойны, ноги неподвижны. Словно она ничего не боится. Но почему?

Она здесь одна, Иван это видел! Наблюдал в окно... так что происходит? Она думает, что на нее не поднимут руку? Что он не справится? Что не сладит с одной девчонкой? Или

как?! Не понять...

Ответа он так и не дождался, потому что Анна сдвинулась с места. Прошлась по комнате, отодвинула его, словно мебель, заглянула в спальню, в которой уже было все приготовлено и даже товары из секс-шопа разложены.

– Никого. А тут?

На кухне и в туалете тоже никого не было.

А значит, руки у нее развязаны. Свидетелей тоже не будет.

– А ну, иди сюда! – рванул ее за руку Иван.

И...

Анна подалась к нему, почти влетая в его объятия. И шепнула на ухо лишь одну фразу:

– Умри, во имя Хеллы.

А больше ничего и не потребовалось.

Иван так и не успел осознать, что произошло. Он оседал на пол, подламываясь в коленях, и лицо было удивленным и растерянным... он ничего не понял.

Ничего...

Анна смотрела спокойно.

Чудовище?

Нет, она себя не считала чем-то ужасным. Она сюда пришла по вызову этого парня. И не сумеет она себя защитить... вот у него на столе и шокер лежит, чтобы вывести ее из строя, не убивая. Вдруг она сопротивляться начнет?

Ткнуть шокером да и сунуть таблетку, пока будет в себя приходиться.

Вот и таблетки... Название Anne ни о чем не говорило, и притрагиваться к ним она не стала.

Что тут еще есть?

Видеокамера. Небольшая, но профессиональная. Она стоит на треноге, в спальне. Явно приготовлена для записи, но пока...

Нет, пока она не работает.

Темная, матовая, ни одного огонька не горит. Все равно, надо ее забрать с собой.

А что еще?

Сотовый телефон. Память Яны подсказывала, что его надо забрать и выкинуть куда подальше. К примеру, в канализацию. Телефон отдельно, карту отдельно. И телефон хорошо бы еще и сломать.

Компьютер? Так... не надо его брать. Есть вещь, после которой информацию на нем и так не восстановят. Форматирование называется.

Правда, останутся следы в интернете, но это сначала еще надо их поискать додуматься. Чтобы они к ней привели...

Так... «Форматировать?» Да! Тут и ума большого не надо, подала команду, а все остальное система сама сделает.

Деньги?

Анна усмехнулась. Она отсюда больше ничего брать не станет. И хорошо, что сейчас весна, она одета достаточно просто. В куртку всесезонного синего цвета, таких на улице много, и длинную юбку. Капюшон она тоже накинула, еще

когда по улице шла. Дождик моросил... такой противный, промозглый...

Опознать ее не должны. Да и...

Анна кивнула своим мыслям, сунула камеру и сотовый в сумку, а потом вышла из квартиры. И дверь открыла настежь.

А на крыльце бросила несколько купюр, которые нашлись у Ивана в карманах.

Вот так!

Теперь аборигены отлично вынесут все сами. И следы затопчут. А то и тело куда денут... Анна вникать в это не собиралась.

С ее точки зрения, она была полностью права.

Она Бориса ни на что не подначивала. Слова ему не сказала. И Лизу никто не заставлял гулять по мужикам. Сама напросилась.

Ивана никто не заставлял ей мстить за то, чего не было. Тоже мне, герой! За поруганную честь сестры... была ли там честь?

Не было. И мстить не за что и некому.

Анна не знала, что Игорь Иванович завинтил гайки детям, понимая, что слишком многое им разрешил. Что Ивану было сделано строгое внушение, что ему ограничили карманные деньги...

Надо парню было найти виноватого. Вот он и нашел... на свою голову.

Что ж. А мы поищем ближайшую канализацию.

Рядом с коллектором никого не было, кроме двух бродячих собак. Анна спокойно разбила подобранным кирпичом и сотовый, и камеру, а потом спихнула все в люк.

Карту от телефона, подумав, кинула в ближайшую лужу и придавила каблуком. Грязная вода ее быстро приведет в негодность.

Хелла, спасибо тебе.

За эту возможность защитить себя – спасибо.

Но, к чести Анны, решить так проблему с Ольгой Сергеевной Цветаевой она даже не подумала. Точнее, подумала – это нормально. Но тут же отвергла как плохую идею.

Мертвеца ничему не научишь. А это все же бабушка Гошки...

Вдруг она еще поумнеет?

Ида, Свободные герцогства

– *Ma charmante fille...* – доносилось с улицы.

Ида застонала и зажала уши подушкой. Спать хотелось до безумия. Ан нет!

Явился, зараза, не запылится! Анечка, милая, почему ты меня стрелять не научила? Ида медленно, но верно дозревала до мысли об убийстве. И силы, и терпение – у нее все постепенно подходило к концу. А вот зверское желание убить росло.

Тор Армандо Рессаль вел осаду по всем правилам.

Сначала посылал цветы и сладости. Потом, когда их попросту отказались брать даже слуги, перешел к планомерной осаде. Договорился с полицейскими, и те проходили мимо, улыбаясь в усы.

А что?

Любят же! Вот чего тебе, баба, надо? Мужик и так и этак, и по-хорошему и с поклонами, а ты не даешь! Даже надежду!

И поди ты объясни, что Иде этот хороший и замечательный и даром не нужен! Она бы и приплатила, чтобы кто забрал!

А Армандо вовсю... юродствовал! Другого слова Ида по-добрать не могла!

Выложенные на мостовой сердца из роз!

Серенады!

Концерты под окнами!

Хоть бы кто из соседей на него кобеля спустил! Да хоть в каком смысле! Хоть в прямом, хоть в переносном! Ида б лично аплодировала!

Но – нет!

Улица была тихая и спокойная, Ида сама такую выбирала. И самое обидное, что часть соседей тоже Армандо сочувствовала... вот почему?!

Почему мужчина так воспринимается?

Не объяснишь же, что она не ломается, не набивает себе цену, не... он просто ей не нужен. И эта дурная назойли-

вость...

Пока они с Яной ехали в Ирольск, разговаривали. В том числе и в словесные игры играли. Например – купи слона. Не хочешь? А ты купи слона! Не можешь? А ты все равно купи слона... Ида в тот раз едва Яну не стукнула. Но хоть посмеялись вдоволь.

А тут...

А ты купи слона!

Вот Ида себя так и ощущала! И ей-ей, слона бы она уже купила! Если бы это избавило ее от Рессаля.

От Кости было всего одно письмо, которое она бережно хранила в шкатулке и перечитывала, когда бывало тоскливо.

Вот и сейчас...

Девушка протянула руку к шкатулке, коснулась, но достать не стала. Она и так все знала наизусть.

Костя писал, что добрался благополучно.

Что любит ее.

Что ждет новой встречи и верит в лучшее. Он постарается прислать человечка, чтобы Ида передала ему письмо, но тут уж как получится.

Ида давно уже составила это письмо. Дайте две минуты – и она напишет... был и подарок. Ида решила послать Косте медальон – и в нем колечко из своих волос.

Да, такое дарили. Обещая любить, заботиться, верить... ждать.

Вернет?

Значит, разрыв.

Пришлет свое?

Можно говорить о помолвке. Правда, благословения спрашивать не у кого, разве что у Полкана...

– Аморе, аморе фау...

– Ау-у-у-у-у! – поддержал певца Полкан.

Ида застонала.

– Радость моя! Ты-то...

Полкан ничего плохого в своем вое не видел. Чего не поддержать компанию? Там, за окном, у певца брачный сезон... У Полкана, правда, нет, но от такого – взвоешь!

Пес уже поправился, прихрамывал немножко, но Иду сопровождал как тень. И пресекал все попытки Армандо заговорить.

Попробуй подойди к девушке, рядом с которой ярится и щерится собака. Не кидается, не брешет – умный.

Но вздыбленная шерсть на затылке, но оскал клыков...

Полкан отлично понимал, по чьей милости он пострадал, и прощать не собирался. Мало тебе, зараза? Ты еще и хозяйке надоедаешь?

Ну, я тебя...

Сделать с ним что-либо Армандо не решался. Понимал, что после такого с Идой не просто разговаривать не получится... его просто убьют. Чтобы землю не поганил. Но и разговора рядом с Полканом не получалось. Не кинется – он умный. Но и неприятно как-то... а вдруг? Уж очень там клыки

выразительные.

– Тора Ида?

Жама Эльза поскреблась в дверь.

Ида застонала, понимая, что поспать точно не удастся, но встала и пошла открывать.

– Да, жама?

– Тора Ида, вы ведь тоже не спите...

– Да кто б под этот кошачий концерт уснул? – огрызнулась девушка, окончательно стирая все классовые границы. Сил не было ни на что.

Жама Эльза покачала головой:

И то...

Хозяйку свою она уважала и даже любила. Это сначала она невесть что думала, а потом все стало ясно. Беженка из Русины? Так оттуда даже тараканы разбегаются! Жить хотят...

Ясно же, что тора, что судьба так сложилась, а так хозяйка – настоящая, природная аристократка, с кости и крови... и порядочная. Уж слугам-то оно завсегда известно.

Слугам, соседям... люди не слепые, все они знают. Им змею за голубя не продашь. Если б Ида водила кого... но – нет. Утром – в лечебницу, вечером – домой, все с собакой, один раз появился мужчина, но приличный, солидный, и опять же! Ухаживал, но ничего у них не было.

Может, поцелуй, но не больше.

А это правильно. Девушка себя до свадьбы блюсти долж-

на. Не тратить на каждого-разного-мимохожего...

Хорошая девушка.

Правильная.

А Рессаль – пакость, сразу видно. Холеная-лощенная, но дрянь. И то, что он тут под окнами прыгает... и что? Не дали ему сразу, вот и заусило паршивца. Он бы еще ногами о пол поколотил, как в детстве. Хочу-хочу- хочу!!!

Тьфу!

– Тора Ида, коли вы позволите...

– Что угодно. Лишь бы эта пакость замолчала и убралась, – от души высказалась Ида.

Не подобает ее высочеству?

Да дома, в Русине, она бы на него спустила всю псарню... нет! Дома, в Русине, на него хватило бы одной Аделины Шеллес-Альденской. Сожрала бы с костями и не глядя.

Увы, здесь Герцогства. Не Русина.

А потому Ида посмотрела тоскливо, жама Эльза ухмыльнулась – и достала ведро с водой.

Большое, тяжелое.

– Посторонитесь-ка, тора...

– Жама, а можно?

– А разве нет? Это нечистоты нельзя на мостовую, а вода чистая. Ну почти, я в нее чуток мыла плесканула. Так отмоется лучше... И-их!

Последние слова жама Эльза договаривала, выплескивая ведро.

Размах у дамы был могучий.

Ш-ших!

И Армандо окатило с ног до головы. Чистой ледяной колодезной водичкой. А холодно... как-никак вечер. Поздний.

Мужчина фыркнул, отряхнулся... ага! Мыла жама Эльза все же от души плесканула. Едкого такого...

Глаза не выест, но промыть их надо было срочно, щипало немилосердно.

Пришлось свернуть серенаду и удалиться.

Ида перевела дух, а жама Эльза решительно захлопнула окошко – и задернула шторку.

– Ложитесь спать, тора. И не переживайте, мне не в тягость будет еще раз... мостовую помыть.

С каким же удовольствием Ида подгрребла под себя подушку!

Спать, спа-а-а-ать!

* * *

Оставить такое без внимания Армандо никак не мог. И на следующий день решил взять реванш.

А именно, в очередной раз подкараулил Иду.

Не один. С букетом в руке и маленькой собачкой дворняжьих кровей на поводке.

– Тора Ида, мое почтение...

Ида оскалилась, не хуже Полкана... сейчас пес кинется...

Армандо пихнул собачку ногой, та заскулила...

Полкан даже на задние лапы осел от неожиданности.

Принюхался.

Ида поняла быстро.

Армандо решил сделать подлость и взял с собой течную сучку.

И...

Отстегнул поводок.

Ах ты ж...

Почувствовав свободу, дворняжка не рванула наутек, а кокетливо поглядела на Полкана. Мол, присоединишься?

Та-акой мужчина...

Полкан колебался. Несколько секунд.

А потом... рык у пса получился такой, что сучка жалобно завизжала, хоть и понимала, что ей ничего не грозит.

Прижалась к ногам Армандо – и описалась.

Тор Рессаль выругался. Пострадали и ботинки и брюки... и как тут вообще очаровывать даму, когда от тебя псиной воняет? И окрестные кобели на запах подтягиваются?

Ида фыркнула. Развернулась и прошла мимо.

Сегодня ей повезло.

Нет, ну как бы отвадить этого мерзавца, чтобы с гарантией?

Русина, Звенигород

– ...!!! И ...!!!

Пламенный разорвался так, что было даже страшновато смотреть.

Будешь тут!

Пришли газеты из Ирольска.

Да...

Ее величество императрица Анна, извольте любить и жаловать.

С мыслью про княжну Пламенный даже как-то смирился. Но – императрица?! Законная?!

И чем тут крыть?!

Снимки делались под строгим руководством Валежного, поэтому отлично было видно и саму Яну. И в фас, и в профиль, и кольцо на ее руке...

Ее величество.

Недаром звонил колокол в Звенигороде. Ой недаром...

Императрица дала интервью. Собственно, она давала его всем желающим, и репортеров было много. Яна рассказывала про свою жизнь во дворце, уверенно опознавала знакомых, рассказала и о своей «смерти». С ее слов выходило так, что пришли освобожденцы и повели всех в комнату. А там поставили к стенке и начали стрелять.

Анна не растерялась.

Ее только царапнуло, она упала и ждала, пока расстреляют патроны. А потом...

Потом достала свое оружие, которое ей подарили и которое она провезла с собой. И перестреляла негодяев.

Легко?

Нет, легко не было.

Она была серьезно ранена, она с трудом уползла из дома... Сожгла?

Да, она его и подожгла. Не могла допустить, чтобы тела родных попали в руки негодяев. Ну и решила... она плохо соображала из-за кровопотери. Ей было плохо!

Она свалилась в лесу, ее нашли крестьяне и выхаживали.

Семейство крестьян благородно предоставил тор Изюмский, но об этом никто не знал. Крестьян-лесовиков тоже сфотографировали, те рассказывали, как нашли этот... ах-то... авто... короче, самобеглую телегу они нашли! И тору внутри!

Как было бросить человека?

Болела она долго, бредила, но все ж поправилась. А дальше – как в сказке.

Выздоровела, подумала о судьбе Русины, нашла возможность сообщить Валежному... а кому еще? Он монарха не предавал... хотя бы не напрямую.

И что самое ужасное...

Ее величество открыто признавалась в своей неспособности править. И более того, сообщала, что обязана выйти за-

муж и править Русиной, по праву наследования, будет ее супруг. Потому что род Вороновых не оправдал надежд.

Он не должен наследовать трон.

Поэтому...

Кто станет супругом императрицы?

И снова – потрясение.

Яна заявила, что это может быть как тор, так и жом.

«...я считаю, что истинное благородство не зависит от крови. Мой отец был императором, но не оправдал возложенных на него надежд. Великий князь Гавриил предал своего племянника. Меня спасли простые люди. Обычные жомы, которые могли бы бросить меня на съедение зверью, но они проявили благородство, достойное трона. Поэтому мужа я выберу, исходя из единственного соображения – блага для Русины...»

И как такое пережить?!

Пламенный метался по комнатам и матерился так, что цветы повяли.

Жама Голубица послушала мужа да и удрала подальше. Надо бы обратно, в Борхум или Лионесс, а то так... Кто сказал, что жом Пламенный овдоветь не может?

Запросто...

Элегантно и не пачкая ручек. Лучше держаться подальше и не показываться. Жама растворилась в пространстве так, что ее бы и с собаками не нашли.

А вот тор Мишель, сынок Гавриила, ее умом не отличался. Вот и полез... на свою голову.

Ворвался, потрясая газетой...

– Жом Пламенный, вы это видели?!

– Видел, – обернулся к нему Пламенный. – Еще как... видел! Стерва!

– Еще какая! Подумаешь, предал ее мой отец! Да что она вообще понимает?! Несет всякую чушь...

– Вот и я так думаю, – подтвердил жом Пламенный. – Чушь полная...

– Я дам опровержение в газеты!

– Обязательно. Дайте...

Будь Мишель чуточку поумнее, он бы обратил внимание на тон Пламенного. Но... слишком сильно его зацепили слова Яны.

Предатель? А он – сын предателя. И отцеубийца, если так-то. Кто за ним пойдет? Никто и никогда. О троне можно не мечтать.

Только вот что он не нужен больше никому... он так и не понял.

И вышел, кипя благородным негодованием и подбирая лучшие слова для опровержения.

Пламенный уселся за стол, успокаиваясь. Налил себе дубовика. И – приказал позвать Урагана.

Тот явился без промедления.

– Мишеля Воронова арестовать и расстрелять, – просто

приказал Пламенный.

Ураган качнул головой:

– Арестовать – хоть завтра. Но предлагаю подождать с расстрелом.

– Что?!

Пламенный даже ушам своим не поверил. Ураган? Колеблется?

Рыцарь Освобождения не готов выполнить его приказ?!

Небо на землю рушится, не иначе.

Потом пригляделся и понял, что дело в другом. Не в жалости, не в сомнениях, просто – трезвый расчет. А это ничего, это правильно. Это в сказках рыцари глупые, в жизни-то они куда как поумнее были, иначе не выжить.

– Он может еще пригодиться, – объяснил свой порыв Ураган. – Если поторговаться с тем же Валежным. Или с...

– Самозванкой.

– Или с самозванкой, – согласился Ураган. Хотя был уверен, что Анна – настоящая. – Мало ли как дело сложится, расстрелять всегда успеем?

Пламенный хмыкнул, успокаиваясь, и признал, что верно. Успеем.

Всех расстрелять! ВСЕХ!!!

А этого сначала посадить, а потом...

Жом Ураган кивнул и отправился исполнять приказ. Арестовывать и препровождать.

Жом Пламенный посидел за столом еще минут двадцать,

окончательно успокоился и отправился на поиски супруги.

Жама Голубица нашлась не сразу. У нее тоже были серьезные дела. Что может быть важнее собственной жизни и безопасности?

* * *

– Жом Тигр, вы видели?

Тигр контролировал себя лучше Пламенного... Ну как – лучше?

Просто жама его спальню не видела. Разнесенную в клочья. Целым там остался только портрет... и то при взгляде на него у жома кулаки сжимались.

Замуж собралась, р-радость моя?!

Р-размечталась!

– Видел, жама. Еще и не такое видел.

Голубица кивнула и сразу же перешла к делу. Не до любезностей.

– Жом Тигр, что вы собираетесь в связи с этим делать?

Тигр мило улыбнулся и поцеловал жаме руку.

– Жама Голубица, вы знаете, что можете всегда на меня рассчитывать?

– Д-да, жом...

– Начнем с того, что я предоставлю вам охрану. И попрошу никуда без нее не ходить.

Жама Голубица довольно кивнула.

– А еще?

Явно же, продолжение будет. Если это – начало.

– А еще вам надо срочно поправлять здоровье. Думаю, вам очень нужно в Чилиан.

– Чилиан?

– Разумеется! На воды! Или к их знаменитым травникам. Там у нас, правда, нет никакой агентуры... ну почти, но здоровье всегда важнее...

Жама Голубица сообразила и закивала.

– Да, жом. Вы правы. Вы же мне предоставите людей для сопровождения?

– Жама, вы можете на меня рассчитывать, – заверил ее Тигр.

Хвоста крысего Пламенному, а не Яну! Пусть и не надеется овдоветь раньше времени!

К моменту, когда Пламенный начал разыскивать супругу, у нее с Тигром все было договорено. От и до.

И куда она едет, и с кем, и зачем... Да, а заодно жом решил воспользоваться случаем и попросил жаму закупить продовольствие. Кое-какие деньги у него были... ну и еще скоро будут. Вот пусть займется полезным делом.

Жама Голубица соглашалась на все. Да, она поедет лечиться. И сделает личное одолжение милейшему Тигру. Поговорит с купцами. Муж? А мужу о второй части знать необязательно. И людей ей Тигр с собой даст, непременно! Как же без них?

Это и было высказано Пламенному, когда тот, обегав весь Кремль, обнаружил супругу в своих же собственных покоях. В спальне и с перевязанной головой.

Она болеет.

Она себя плохо чувствует.

Она уезжает лечиться в Ламермур и надеется, что дорогой супруг поймет ее правильно. Ей нужен более мягкий климат и морской воздух...

Пламенный не возражал. И даже пообещал дать ей своих людей в сопровождение.

Жама Голубица поблагодарила и согласилась.

Пусть дает! Муж обязан заботиться о своей жене, ведь так? А что поменяется и маршрут, и сопровождающие... ну так дело житейское. Бывает.

Мужу-псу не показывай... холку всю. Так ведь?

Вот она и не покажет!

Хормельская волость

– Упырица!

Х-хэсмь!

Прилетело Гришке не слабо, но парень все равно тыкал пальцем в газету.

– Точно говорю, энто ж она! Упырица! Которая Сеньку съела!

– Энто анператрица, дурень!

– Да нет же! Упырица! Ой, маменька! Энтэ что ж, Русинэ упырица править будет?!

Конюх, поняв, что воспитательные меры в виде подзатыльников не дают нужного результата, задумался. Почесал затылок. И кто знает, что бы придумал, но на конюшню зашла та, кого тут вовсе не ждали.

Любовь самого батьки Счастливого.

Валентина.

– Федя, где у тебя тот паренек, который с Сенечкой был? Поговорить бы мне с ним?

– Дык... вот... это!

Конюх решил не забивать себе голову излишними сложностями и удалился выгрести навоз. А вот Гришка все как на духу выложил доброй тете Вале.

И что была баба!

Да, вон энта, что в газете!

И что она превратилась в упырицу.

И сожрала бедного Семена, вот как есть, а у него-то образок, вот он и уцелел! Вот, святой, с Фарафон-горы, с коим теперь бедный Гришенька не расстается! Небось без него и уснуть-то не получится. Спас его образ от нежити поганой! А то б и его сожрала, нечисть жуткая...

Валентина слушала, поддакивала, размышляла... и отправилась к Никону.

– Валька! Ну что ты несешь, дура-баба?!

А что еще должен сказать нормальный мужчина?

Вот он лежит довольный, разнеженный, доказавший любимой женщине, что он мужчина и еще о-го-го, а она тут...

Нет бы кваску подать, или пожрать чего сгношить... так ее поговорить растащило! Вот что за манера у баб – все удовольствие портить? То им про любовь языком молоти, то им еще чего...

– Никон, миленький... – Квас Валька таки подала, и рядом присела, и по груди погладила, спускаясь все ниже и ниже, этак... с намеком. – Ты послушай меня всерьез. Ведь и так быть может, разве ж нет? Ты знаешь, что застрелили императора со всей семьей... а может, и правда, одна из его дочерей из могилы выбралась? Упырицей стала? Бывает ведь такое, коли душу Темной запродашь! Ишшо как бывает, бабки говорили...

– Да дуры старые твои бабки!

– А кровь кто заговаривает? Кто твоих бойцов лечит, скажешь, не они?

– Ну...

Тут крыть и правда было особо нечем. Пара дохтуров у Счастливого имелась, но учитывая, сколько они пили... Ей-ей, лечение от бабок действительно выходило более эффек-

ТИВНЫМ.

– Вот! Небось потому ее раньше и не показали, что упырица она! И кровь пьет... а как сил набрала достаточно, чтобы на свету находиться, али еще чего...

– От меня ты чего хочешь?

Чего хотела Валентина?

Да за брата расквитаться! А упырица там, императрица – вот уж что ее ни разу не волновало! Она б кому угодно в косы вцепилась.

Но коли уж так...

– Святой водой ее облить надобно! Тогда задымится нечисть да и сгинет! Не переносят они святой воды и святого хлебушка...

– И что?

– Так ежели Валежный... энтэ...

Никон едва не застонал.

Чего хотела дура-баба?

Да считай, что и пустяк!

Пусть он Валежному, значит, отпишет, что все знает... или вообще пустит Валечку туда поехать... в Зараево... или в Ирольск, куда там анператрица поедет... ну и того ее... святой водой!

За Сенечку!

А то как же?!

Нельзя ж так, чтобы она... того – и безнаказанно?

Нет, никак нельзя...

Атаману оставалось только застонать. И решительно натянуть штаны.

А что?

И возраст уже не тот, чтобы, значит, и вообще... когда такое требуют, тут любое настроение упадет! Даже самое боевое!

Валька поняла, что перегнула, повисла на шее, зашептала ласково, заворковала...

Штаны Никон снял. И в постель вернулся.

Но соглашаться?

На такое?!

Да вы что – ополоумели вконец?! Никогда! Ясно?

И ни за что!

Глава 2

Соблазны и страсти, луну и звезду...

Русина, Ирольск

Совет был небольшим. Всего три человека.

Валежный, Яна, Изюмский.

А больше никого и не приглашали. И совет-то собрался, чтобы коллегиально сделать то, что надо было сделать еще Петеру, не тем будь помянут, дурак.

Выбрать Анне мужа.

Уж каким там император местом думал, теперь и не скажешь... и его ли то место было или его жены-идiotки, но...

В том-то и беда, что выбирать, считай, не из кого.

Тут же как?

Надо, чтобы достаточно молодой – ему еще править, и весь этот ворох разгрести, и вообще... Вот абы кто такой воз не потянет. Валежный честно признавался, что даже не будь он давно и счастливо женат... все равно он – не!

Войну выиграть – это еще полбеды. Но там же и с министрами, и с политикой, и из казны потянут, и народ кормить

надо. Одним словом – спасите!

Изюмский тоже был благополучно женат, но даже если бы и не...

В общем и целом итог был печален.

Те, кто поумнее, те править не хотели.

А те, кто поглупее, те не справятся. Вот такой расклад. Как не справится и сама Яна. Что такое государственная машина? Она примерно представляла. И это...

Это даже не из болота тащить бегемота, как писал классик.

Это тащить из того же болота бронепоезд.

Одной. Голыми руками. То есть – нереально. Даже если б она не была приговорена, она все равно бы не справилась. Это понятно. Вот и сидели они втроем, перелистывали дворянские книги, газеты, пытались найти хоть кого-то...

– Прямо ты хоть за Пламенного замуж выходи, – невесело пошутила Яна. – Сволочь он, конечно, но страну удержит.

– Он тоже женат, – с мрачным юмором сообщил Валежный.

– После изобретения револьвера это не проблема, – фыркнула Яна.

Валежный, который уже привык к черному юмору императрицы, даже не подавился. Разве что меланхолично заметил, что осталось уговорить Пламенного. И... по некоторым данным, он немножечко болен. Дурной болезнью. Так что здорового потомства от него не дождешься.

Раньше он хоть немного стеснялся, а сейчас махнул рукой, да и говорил все, как оно есть. Ну какая Яна тора? Понятно, благородная, но все равно – свой парень.

Яна задумчиво покивала.

Да, здесь это несложно, в отсутствие антибиотиков. Те же гонорея, сифилис... заразишься по молодости, наплачешься по всей жизни. Хотя и в ее веке эти болезни радости не приносили. Вылечиться-то можно, но как оно потом на детях скажется?

То-то и оно...

– Может, кому из иностранных принцев предложить? – подал идею Изюмский.

Яна пожала плечами:

– Теоретически... Кому? Борхум?

– Мы с ними воюем, – сообщил Валежный.

Яна махнула рукой:

– За такой кусок? Они мигом о войне забудут, но там же старший женат, а младший слабоумный! И вообще мне только полудурков в родню не хватало. Это ж по наследству передается.

– Ламермур? Там одни бабы...

– Лионесс? Там наследник есть, но с ними связываться? Не будет Русины, – махнула рукой Яна. – Будет подхвосток Лионесса, они как раз недавно колонии потеряли, им бы хоть где погреть руки...

– Герцогства?

Увы, иностранщина отпадала, одна за одной, словно засохшая грязь с ботинка. Они попросту не подходили. Те, кто может жениться, не смогут справиться. Да и народ...

Будем честны, вряд ли они сейчас примут любого иностранца, как мужа императрицы. Свой и только свой.

Но – кто?!

В дверь робко постучали.

– Да! – рявкнул Изюмский, который тоже отлично понимал всю остроту ситуации.

– Тор Ромашкин принять просит.

Дмитрий временно вернул себе титул, так было проще и для Валежного, и для Яны. Яна и высказалась первой, понимая, что она тут императрица.

Вот ведь беда...

Она не знает, что делать, но должна решать.

А Валежный не лезет вперед нее. Всем мужчина хорош, но Русину не потянет. Не сможет. Полком командовать проще. Войну он выиграет. Но мир не выдержит.

– Так приглашайте, тор генерал, приглашайте. Полагаю, не просто так он явился?

– Даже не сомневаюсь.

Валежный предпочел бы сначала выслушать Дмитрия наедине... ну хоть предупредить, но... ладно уж! Все одно... бронепоезд из болота им вместе тянуть! Вот и не стоит разводить секретность на пустом месте.

Да и разговор зашел в тупик. А в таком случае надо по-

пробовать переключиться на что-то другое... не получается
взять крепость штурмом в лоб?

Ну и ладно, иди в обход! Пытайся подкоп сделать, взорви
ее к лешевой матери... но не повторяй одно и то же.

Может, чем появление Дмитрия и поможет? Все ж не ду-
рак. А что дело сложное...

Чего секретность-то лишнюю разводить? Все равно через
месяц об этом вся Русина узнает!

* * *

Яна с интересом рассматривала Дмитрия Ромашкина.

Есть порода мужчин, которые до старости выглядят... не
мальчишками, нет. Но за студентов они сходят спокойно. Уг-
ловатое телосложение, тонкокостный, даже хрупкий с виду.
Но при этом, когда он двигался, словно перетекал с места на
место, Яна понимала, что под простой одеждой перекатыва-
ются литые мышцы. Просто высушенные до предела.

Опасный противник.

А то, что он позволил это увидеть...

Яна даже не сомневалась, что в других обстоятельствах
Дмитрий был бы до ужаса неловким. Неуклюжим и трогат-
ельным.

Немного краски, очки, щенячий наивный взгляд... Да-
мы должны млеть и гладить милого мальчика по головке. А
мальчик может спокойно сломать гладящую руку в трех ме-

стах. И не сильно запыхаться при этом. И лицо ему не по-
меха, чуточку грима – и никаких проблем. Это сейчас вид-
ны и острые углы, и морщинки, и выражение у него, как у
хорошо травленного волка – мигом зубами рванет. Но если
захочет...

Ми-ми-ми будет. И кавайная няша. Яна даже не сомнева-
лась. Этот – справится.

– Тора Яна, – поклонился Дмитрий. И уселся за стол.

Яна этикетом не страдала, а Дмитрий с удовольствием ее
поддерживал. Эпатаж был ему и близок и дорог. Вон как у
Изюмского глаза хлопают, любо-дорого посмотреть! С его
точки зрения, в присутствии императрицы Ромашкин дол-
жен или стоять навытяжку или лежать в гробу. А они так ми-
ло беседуют. Да и Валежный морщится, субординация ему,
как каждому военному, близка и понятна. А Яна по ней по-
топталась всласть.

– Что вас привело к нам именно сейчас? – продолжила
светскую беседу Яна.

– Я уезжаю. В Звенигород.

Яна перевела взгляд на Валежного.

– Тор генерал?

– Мое письмо. И ваше, ваше величество.

– Надеюсь, не запечатано?

Валежный качнул головой, протягивая Мите письма, ко-
торые тот и принялся читать.

Пробежал глазами, кивнул.

– Хорошо. Если поймают, сразу не казнят.

– Сначала помучают? – невинно уточнила Яна.

– Потерплю. А там и свобода...

– Вас встретит радостно у входа?

– Вы стихосложением балуетесь, тора Яна?

– Хелла упаси, – честно высказалась Яна. – Так, развлекаюсь в свободное от работы время.

– Да, работа у вас – врагу не пожелаешь, – посочувствовал Дмитрий.

– Лучше бы я была извозчиком, – вздохнула Яна, – но кто ж даст?

– Нет, не дадим. – Митя почувствовал, что разговор начинает затягиваться, и перевел его в деловое русло. – Письмо я, конечно, передам. На словах что сказать жому Тигру?

Яна задумалась.

Сказать?

Не сказать?

А потом все же не удержалась. Взяла Митю за рукав и подвела к окну. Приподнялась на цыпочки, чтобы никто другой не услышал. И тихо-тихо шепнула в ухо:

– Передай, что я его люблю.

Оказывается, словами тоже можно подавиться малым не до смерти. Особенно чужими.

Когда Митю кое-как, в шесть рук, подняли, отряхнули и привели в чувство, он на Яну уже смотрел с немалым уважением.

Понятно, императрица и все такое. Это бывает.

Но так дергать Тигра за усы?

Нет, это корона не гарантирует, с этим только родиться надо.

* * *

Когда Митя ушел, двое мужчин воззрились на Яну. Та только головой покачала:

– Не расскажу.

– Ваше императорское величество, – начал Валежный, но был остановлен самым решительным способом.

Яна попросту зажала ему рот рукой.

– Тор генерал. Есть вещи, которые лучше не афишировать. Но я надеюсь, что жом Тигр это оценит.

Оценит...

Скотство, конечно, с ее стороны, вот так...

Скотство и свинство.

Я тебя люблю. Но замуж выйду за другого. Я тебя люблю. Но умираю. Но люблю...

Сволочь она. Но как было не сказать? Может, хоть один раз ее вспомнят не только ругательством? Как-то так и правда получилось, что этот мужчина стал Яне дорог.

Не была она гулящей девкой, и абы к кому в постель бы не прыгнула. Но и так...

– Тора Яна, после ваших слов жом Тигр не может стать

нашим врагом?

Рук-то у Яны было две. Но до Изюмского она бы не дотянулась. Вот и открыл рот не по делу.

И сколько можно испытывать ее терпение?

Яна и высказалась:

– Вашим врагом не станет. А вот моим мужем – запросто. Я ему предложение сделала!

И пока мужчины переваривали эту новость, хлопнула дверь. Да скажет она потом, что пошутила! Скажет!

Никто ведь такое всерьез не примет, понятно... бред! Как есть – бред!

Но пару минут нервоотрепки мужчины заслужили.

Георгий, Свободные герцогства

– Топыч, мне на почту нужно.

– Зачем?

– Надо. Мама сказала.

В Герцогствах они были уже почти неделю.

Федор Михайлович занимался своими важными делами, а вот малышня сидела в гостинице, в номере. Топыч приглядывал за ними, возился, играл...

Не Михаил? Конечно нет.

Михаил пил.

Когда он узнал, КТО прошел мимо...

Михаил был свято уверен, что его обаяние... он просто

не сообразил сразу, что Яна – императрица. А если б сообразил, наверняка она бы в него влюбилась! Он же просто не ухаживал всерьез! И Гошку признавать отказался... Идиот! А если б согласился, они бы с Яной уже месяц как поженились! Разве перед ним можно устоять?!

Михаил, император всея Русины...

Звучит?

А то нет? Такой шанс прохлопать! Такое упустить!

Как тут с горя не запить?

Федор Михайлович на сына поглядел да и плюнул. Похоже, собирался помощника из внука растить. Маленького Мишку он таскал с собой везде. И на переговоры, и по закупкам, и на склады... не понимает мальчик?

Так объясним!

А то вон, сына упустил! Но там здо-оровье слабое, ма-альчик болеет, ма-альчику нельзя... послушал жену, идиот?

Ну и получи... в копилку!

Нет, с Мишкой Федор Михайлович такого повторять не собирался. С внуком они были неразлучны.

Машку сегодня тоже взяли с собой – ничего особо важного не предстояло. А если так... пусть дите порадуется. Машка без брата скучала и плакала, так что Федор Михайлович решил побаловать малышню. Пусть едут оба. Гошка и Топыч остались практически одни.

Так, с небольшой охраной в три человека. Двое за дверью, еще один внизу. Мало ли что...

Проблема была в другом.

Даже если они пойдут на почту, ну кто выпустит мальчишек одних? Обязательно ведь пойдут с ними. И доложат потом.

А мама строго-настрого наказала Гошке, чтобы никому.

И ни за что!

И сам пропадет, и других подведет, и скрыться ему будет негде...

Топыч?

Тут другое, если что, это и для Топыча. У купца все ж свои дела, у них – свои...

Это Яна сыну хорошо в голову вбила. И Гошка все уже продумал.

– Топыч, тебе придется меня прикрыть.

– И как же?

– Скажешь, что у меня голова заболела. А я вылезу через окно. Тут водосточная труба удачная, я ее пошатал. Меня выдержит.

– А меня?

– Ну... наверное. Но зачем?

Потап фыркнул.

– Гошка, ты как маленький! Если я сейчас скажу, что у тебя голова заболела, мигом пошлют за дохтуром, а потом запрут тебя под присмотром сиделки. Куда там мне! Год не выберемся!

– Верно... – Гошка сообразил, что как-то не обдумал этот

вопрос.

– Поэтому мы сейчас попросим обед в номер. А пока якобы обедать будем, тут и удерем. И обратно подниматься по трубе придется, не то уши надерут.

– Хм...

– Пообедать нам спокойно дадут. Хотя бы полчасика. И охрана кушать будет.

Все верно, к мальчикам в номер регулярно кто-то да заглядывал. Без присмотра их не оставляли, купец понимал, что мальчишки что хочешь натворить могут.

Даже Потап, хоть и старший годами, все одно мальчишка. И дури там хватает.

– А потом с обедом как?

– Скажем, что не успели еще. Или сразу спрячем, что принесли, потом поедим.

– Тоже можно, – кивнул Гошка. – Бар в номере есть...

Бар в номере действительно был. Не было детских номеров, вот купец и снял несколько подряд. А в них, конечно, и бар, и все, что может взрослому человеку понадобиться. И тарелки найдутся.

– Ты знаешь, где тут почта?

– Знаю. Приметил прошлый раз, когда ехали.

– И как добежать запомнил?

– А то ж!

Топыч кивнул.

Ради торы Яны он бы на что угодно пошел. Тора его из

деревни забрала, считай, новую жизнь подарила... он бы и сам сбегал, но вот беда! Читал-писал он пока плохо. А ежели на почте обманут?

Вдруг?

Или он сам ошибется?

У них же ни конверта, ни марки, все на почте покупать придется...

Так что бежать им вместе. Гошке писать, ему – охранять и опекать. И по шее огребать, если что, вместе. Так правильно.

* * *

Не подозревая о замыслах мальчишек, купец тем временем поставил перед доктором Ромарио банку с серым порошком.

– Вот, значит.

С доктором он был знаком уж давненько, тот лечил супругу купца. И не его вина, что лечение не помогло. Меншиков помнил Ромарио как крепкого профессионала и фаната целительства.

– Вот?

– Человек, который рассказал мне этот рецепт, уверял, что он хорошо помогает от кровохарканья.

– Неужели?

Скепсис в голосе доктора было легко предугадать. Помощь при кровохаркании? Болезни, которую не излечивает

ничего? Которая вот уже не один год является синонимом быстрой и неотвратимой смерти?

Позвольте вам не поверить.

Улыбка купца была даже чуточку снисходительной.

– Жом Ромарио, никто вас не заставляет мне верить на слово. Вы проверьте, проверьте...

– Да? И на ком же?

– Так на больных. Я же знаю, что у вас в больнице целое отделение тех, кто болен легкими.

Это была чистая правда – не поспоришь. Болен, неизлечимо болен... практически – приговор.

– И как это надо применять?

Доктор сильно и не упорствовал. А зачем?

Этим больным уже ничего не повредит. Даже порошок из ослиного кала, если на то пошло! Они все равно обречены!

Федор Михайлович достал листок, на котором аккуратно, округлым четким почерком, записал рекомендации, выданные Яной.

– Вот.

– Вот... понимаете ли...

Ворчал доктор без души. И банку встряхнул – проверить.

– Тут разве что на двоих-троих хватит. И то на детей...

– Так попробуйте на детях, доктор. Что в этом такого? Если получится, так их родители вам еще спасибо скажут...

– А если нет?

Меншиков даже плечами не пожал. Оба они отлично зна-

ли, что осталось недоговоренным.

У вас и так не получится. Это – не лечится.

– Я попробую, – сдался доктор. – Где я смогу вас найти?

– Так в гостинице «Талларен».

– Хорошо, – кивнул доктор.

Купец дружески попрощался и подумал, что надо бы еще подсобрать медведку. Не самому, конечно! Этого еще не хватало!

Эта была им набрана еще в Русине. И порошка у него было еще три банки. Будет что выдать доктору. Тора Яна говорила, что это не панацея, что с какого-то момента снадобье может только отсрочить смерть, но не вылечить, но ведь и это уже неплохо!

Это золотое дно, ежели что!

Пусть доктор попробует, посмотрит... а Федор Михайлович пока делом займется. Поговорит со знакомыми. Совершенно необязательно ехать самому в Чилиан, чтобы закупить там зерно! Телефон есть?

Договоримся...

* * *

Проводив посетителя, доктор Ромарио решительно отправился в палату.

Не соврал он купцу. Были у него в пациентах и дети. И на них смотреть было горше всего... такие молодые – и уже.

Уже почти нет надежды. А каково их родителям?

Через десять минут он инструктировал медсестру в детской палате. Та смотрела с недоумением, но банку взяла. Доктор – всегда прав.

И порошок начала давать, смешанный с медом, как попросили.

И следить за состоянием детей.

Как и было написано в рекомендациях, в первые дни у всех троих сильно подскочила температура. Потом спала, но началось обильное отхождение мокроты и сильный кашель. У одного из детей стала сильно болеть грудь.

Доктор наблюдал с громадным интересом.

Поможет?

Нет?

По крайней мере, не навредит. Это-то уже ясно...³

* * *

Вечером в номере Меншиковых довольны были все.

Доволен купец – лекарство начали испытывать.

Довольны Мишка и Машка – целый день с дедом.

Доволен Потап – их не поймали и им не попало. Так, уди-

---

³ Данное средство автору описали очень давно. Четко сказали, что применялось оно ДО появления антибиотиков – раз. А сейчас его лучше применять ВМЕСТЕ с антибиотиками – это два. И да, ничего, кроме туберкулеза, медведка не лечит. Ни гангрену, ни рак, ни язву. (Прим. авт.)

вились, что ребята слишком долго обедали, но это дело житейское.

Доволен Гошка – на почту они успели и письмо отправили. Недоволен был один жом Михаил, но кто его спрашивал? Сидишь, пьешь? Ну так и пей! И не лезь к людям! Они делом заняты!

Яна, Русина

Кто-то из мужчин высказывался Мите, что обожает подобного рода сюрпризы.

Приходишь ты, а у тебя в кровати красивая обнаженная девушка.

Митя его тогда не понимал. И сейчас не понял. Потому как приходишь ты, а у тебя на кровати красивая, но полностью одетая императрица. И взгляд у нее такой... внимательный.

Задумчивый взгляд.

Так смотрят, когда тебе уже применение нашли. И поди откажись.

– Гулять изволите, тор?

– Собираться в дорогу, ваше...

– Тора Яна, – обрезала женщина.

– Тора Яна, вы что-то еще хотите передать? Эм-м... жому

Тигру?

Яна качнула головой:

– Ни ему, ни кому-то другому. Митя, я хотела вас нанять, чтобы вы поработали по специальности.

– Слушаю? – мгновенно напрягся Митя.

Ситуация была нестандартная. Обычно императрицы не нанимают убийц.

Сами – не нанимают.

Но сейчас и ситуация сложная? Война, проблемы... сделаем скидку на сложности жизни? Нет, не на оплату заказа. Но на его оформление, ладно уж.

Яна развела руками:

– К сожалению, достойных сумм у меня нет. Но возможно, вы примете вот это?

На стол легло то самое кольцо. Да-да, Гаврюшино. Яна так привезла его из Беркута и решила, что оно вполне подойдет. А что?

Денег у нее нет, драгоценности все у Зинаиды, те суммы, которыми она располагает, маловаты, а просить денег у Валежного...

Как-то некрасиво: «Вы мне теракт не оплатите?»

Митя взял колечко в руки, повертел его... Не сказать, чтобы сильно дорогое. Камень хорош, и оправка красивая, видно, что модный ювелир делал. И продать можно дорого. Но стоит ли такими вещами торговать? Они обычно с историей... ему не часть императорских сокровищ подсунули?

– И кто его носил раньше?

– Великий князь Гавриил.

– Хм?

– Он немножко померши.

Митя задумчиво кивнул. Повертел колечко в пальцах. Сапфир подмигнул ему синим глазом. Ладно... если Гаврюша... такие колечки можно и внукам передавать. Как семейную реликвию. Жаль, с Гаврюшей не он поработал. Ну хоть помечтать.

– А что? Возьмусь. Кого убирать будем?

– Тор Вэлрайо, – спокойно сказала Яна. – Справитесь?

Митя присвистнул:

– Тора, вы на мелочи не размениваетесь. Пожалуй, я попрошу доплату!

Яна фыркнула:

– Других драгоценностей у меня нет. Могу вот это колечко отдать.

Она насмешливо предъявила Мите черный камень и пронаблюдала, как он аж шарахнулся в сторону.

– Ну – нет!

– Точно?

– Издеваться изволите, тора Яна?

– Изволю. И желаю... вообще, могу расписку выдать. Сколько надо доплатить? – Вот теперь Яна была полностью серьезна.

– Сначала я хочу услышать условия.

– Условия?

– Как его надо убить. Медленно, мучительно, с сопутству-

ющими жертвами, без них...

Яна пожала плечами:

– Желательно без женщин и детей в качестве сопутствующих жертв. В остальном свобода рук. Единственное условие, чтобы все знали, за что его так.

– И за что?

Яна помолчала несколько минут. Память Анны подчинялась все хуже, скоро она вообще перестанет работать. Но пока еще есть время.

– Мой отец хотел уехать. Вэлрайо сначала обнадеживал его, а потом отказал. Есть там такая шестерка, Дрейл...

– Шестерка?

– Не важно. Мелкая фигура, пешка, шушера... вот через него все шло. Все письма... отец умолял забрать хотя бы нас. Но Вэлрайо отказал ему в последний момент.

– За это?

– Да.

Митя задумался:

– Пожалуй, я могу это сделать. И даже без дополнительной оплаты.

– Из спортивного интереса?

– Профессионального.

– Будьте так любезны, тор. – Яна улыбнулась нежной улыбкой голодной акулы.

– Буду, тора Яна, обязательно буду. Сохранить для вас на память парочку газет?

– Газет?

– Не сомневаюсь, это событие получит все передовицы. – Митя уже прикинул, что и как можно сделать, и решил поработать за одно колечко. И колечко с историей, и заказчик с уважением, и добыча...

Вот между нами, диверсантами, лионессцы Митю всегда бесили. Ходят, понимаешь, с таким видом, словно они – пуп земли. А они, может, даже вовсе не пуп, а попа?

И в каждую бочку лезут, и везде ощущают себя правыми, и везде пакостничают, и ничего хорошего миру не принесли...

Да, пожалуй, он поработает за одно колечко. Реализует свои фантазии...

Ах, тор Вэлрайо, что я с вами сделаю...

Яна посмотрела на мечтательное лицо диверсанта, вежливо попрощалась и вышла. И уже за дверью тихо прыснула в рукав.

Это ж надо так любить свою профессию!

Русина, Звенигород

Жом Пламенный расхаживал по комнате.

Злоба ему мозги не туманила, рассуждать он был способен вполне здраво. И рассуждал.

Валежный атакует. У него императрица – это громадный плюс.

В тылу у освобожденцев хозяйничают Логинов и Алексеев. Эти тоже своего не упустят – волки. Считай, их загнали в угол. Но...

Один вариант все же остается.

Если императрица выходит замуж... да хоть бы и за него! Почему нет?

Гулька?

А что – она? Пламенный подумал, что надо бы отдать приказание... кому?

А вот, кстати говоря! «Счастливики» – подойдут. Своим нельзя, слишком уж подло получится... ладно! Получится хорошо, но если б хоть месяцем раньше! Тогда можно было и обвинение какое сфабриковать, и обвинить жену в расхищении, в предательстве народного доверия, в... да хоть и в государственной измене!

Какому государству?

Государство – это я! А свидетелей измены найдем десятков. Не важно!

А вот сейчас только дурак не поймет. Когда императрица объявила на всю страну, что династия Вороновых нынче недостойна...

Она-де приняла Русину у отца, но нести ее не может. А потому отдаст ношу достойнейшему... и вы хотите сказать, что в таких условиях еще кто-то воевать будет?

Конечно, можно объявить ее самозванкой.

Можно закричать на всю страну, что Валежный нашел

куклу, подменку, фальшивку...

И нельзя!

Глупо получится, а глупым жом Пламенный выглядеть не желал.

На фотографиях Анна – копия самой себя. Чего уж там. Похудевшая, с решительным выражением лица, в непривычной одежде, но кольцо то самое.

И колокол звонил.

И... итак, принимаем, что императрица настоящая. Тогда есть два варианта. Первый – драться.

Пламенный понимал, что так тоже можно. Но... поддержат ли его освобожденцы? Или – нет? Положа руку на сердце, Валежный – даже без императрицы был бы в Звенигороде к осени. С большой долей вероятности. Это мир он не выиграет, а войну еще как запросто! И прекрасно Пламенный знает, что тот же Броневой, тот же Ураган, те же... да тот же Тигр – все имеют счета за границей. И знает, кто удерет при малейшей опасности для своей шкуры. И...

Вот – такой же человек и в зеркале отражался. Будет Пламенный класть свою жизнь на алтарь Освобождения? Э-э-э-э-э... а кто тогда будет освобождать Русину?

Примерно так и рассуждают все его сподвижники. Это быдло не жалко – тупое, серое, которое слушает сладкие речи на митингах, тянется за кусками и медяками, которое и из пулеметов положить нестрашно... а чего им? Бабы еще нарожают!

А коли ты такой дурак, что лезешь в замятню, поделом тебе и будет!

А себя-то Пламенный любил и ценил...

Но если предложить всем пойти на переговоры с Валежным... а вот тут-то и может прокатить. И предложить выбрать самого достойного императора, из своих... и отстраниться от гонки, он ведь человек женатый...

Конечно, самых умных так не проведешь. Но и они свои головы класть не захотят за понюх табаку.

А народ?

Помилуйте, кого волнует, что думает народ? За него прекрасно подумают! А способы убеждения известны еще со времен древних греков... Как звали того политика, который отрезал хвост своей собаке? И ведь обсуждали все тот хвост, а что бюджет попилили, так и не заметили...

Народ-с!

Со свободным волеизъявлением...

Пламенный хмыкнул хорошей шутке и отправился писать письмо Счастливому. Пусть его...

Подождем пока мир заключать. Есть «счастливчики», есть Броневой, вот если Валежный до столицы дойдет, тогда подумаем. А пока потрепыхаемся. И мир надо на своих условиях, а не на его, это уж точно. Было у Пламенного подозрение, чью голову попросит Валежный. Было. И головы ему было жалко. Привык уже...

Русина, Ирольск

Алоиз Зарайский оглядывал перрон почти хозяйским взглядом. И город тоже...

Императрица была здесь.

А значит...

Выигрыш близко. Надо только к ней прорваться. И оказаться рядом, втереться в доверие... для этого уже все готово.

Алоиз решительно направился к первому же военному патрулю.

– Тор офицер. Разрешите обратиться?

– Слушаю, жом?

Видно было, что вежливый тон дается офицеру нелегко. Но...

Яна предупредила Валежного, что любому нахалу она сама отвернет голову. Лично.

Хватит деления на торов и жомов, мало огребли? Так жомы с вами еще поделятся. Нет, не кренделями! Понимать надо! И социальные лифты устраивать! Иначе так и будет... верхи не могут, а вот низы хотят! Еще как хотят! Все то, что есть у верхов!

И если им не дать...

Сами возьмут.

Уже взяли, собственно! И попробуй отними!

Ладно, пока еще идет тот момент, когда ситуацию можно переломить, но это только пока. А через пару лет и поздно будет... Вот и строил Валежный своих офицеров.

Никакого зазнайства!

Никакого чванства!

И упаси вас Творец кому-то дать в морду!

Алоиза выслушали со всем вниманием.

– Из Звенигорода?

– Да!

– И готовы поделиться знаниями с тором генералом?

– ДА!!!

– Пройдемте.

Следующие три часа Алоиз провел в комендатуре, где его расспрашивали и вдоль и поперек... впрочем, он и не считывал сразу подобраться к Валежному. Но первые шаги сделать уже можно.

К примеру, между разговором поинтересоваться, в городе ли тор генерал? А то сведения надо доставлять побыстрее...

Уточнить, при нем ли императрица... и точно ли – та самая?

Вот в последнем ни у кого сомнений не было.

Кто-то видел Петера, а Анна была копией отца. Кто-то видел портреты, кто-то и всю семью...

Императрица была настоящая.

Алоиз довольно потирал руки. И сообщил, что ежели тор генерал пожелает его увидеть или поговорить... где можно

остановиться? Чтобы торам из комендатуры было удобнее его искать?

Офицеры переглянулись, но гостиницу посоветовали. И неплохую.

Спать Алоиз ложился с чувством выполненного долга.

Я настиг тебя, дорогуша.

И смогу заинтересовать Валежного. А там и тебя...

Бабы – народ несложный! Никуда ты от меня, лапочка, не денешься... моя будешь! И вся Русина – моя! Только моя... и корона и трон...

Аферист спал, и снились ему подвластная Русина, императорская корона и почему-то жом Тигр. Последний явно был против... и плевать на тебя три раза, кошка облезлая! Стану императором – прикажу твою шкуру на коврик пустишь!

Анна, Россия

– Девочки, добрый вечер! Скучали без меня?

Ради этого момента Борис готов был уходить каждые пять минут. Чтобы потом возвращаться. Домой возвращаться.

К нежной улыбке Анны и ее светящимся радостью глазам.

К восторженному воплю Гошки, который повисает на шее с разбега.

К объятиям Киры, которая пока еще не решается поступить, как Гошка, но смотрит... и подходит и целует в ще-

ку... почему он, отец, не понимал этого? Почему не видел, насколько его дочери нужен ДОМ?

Не нотации, не побрякушки, а именно это? Тихие семейные вечера, улыбки родных, даже кот соизволяет прийти и потереться об ноги.

– Мур-р-рм.

Все правильно.

Семья.

И улыбки того же Романа, Розы Ильиничны и прочих говорили об этом лучше всяких телевизоров. Хоть ты их с десятков включи.

Семья...

Разве что Анна еще в его комнату не переехала. И чего она упирается? Но до свадьбы неприлично... Ладно. Потерпим!

Борису очень хотелось засыпать и просыпаться рядом с любимой женщиной, но пока получалось только первое. Утром Анна уходила еще до рассвета. Тихо-тихо, он не просыпался.

Как же быстро привыкаешь к хорошему!

К вкуснейшему ужину, кстати говоря, и индейке с брусникой, и запеченному в сливках картофелю, и вкуснейшему десерту... После такого ужина – хоть на тренировку срывайся. А то скоро штаны расставлять придется!

– Кира, ты завтра Аню отпустишь? В два часа дня?

– Отпущу. А что случилось?

Отпускала Кира вполне спокойно. У них с Гошкой были

уроки. Весна заканчивалась, и в школе лютовали с контрольными. Кто только придумал этот садизм: отпускать школьников на каникулы в десятых числах июня? И так всего три месяца счастья!

И – урезают!

Козлы!

Тем не менее у ребят шли четвертные контрольные, Гошка в школу хоть и не ходил, но подготовительные классы посещал. И с учетом больниц было ему сложно.

С ним занимались и Анна и Кира, но мальчику предстояло слишком многое наверстать.

– Меня приглашают на выставку.

– Выставку?

– Называется «Противопоставление».

Борис выразительно скривился и принялся рассказывать:

Да, есть такое течение – контркультура. Есть...

А теперь догадайтесь, кто всем этим увлекается? Да молодежь! В том числе и губернаторский сынок. Дурак? А куда деваться? Можно быть идиотом, если у тебя папа – губернатор. Можно...

Вот если сантехник, там приходится или умнеть, или подыхать. А губернатор в состоянии обеспечить своему чадушку любые погремушки. Разумеется, за свой счет! Заработает и обеспечит!

Воровать?

Губернатор?!

Как вы могли такое подумать об этих честнейших людях!

Не иначе как подметая по вечерам дворы или разъезжая таксистом, заработал губернатор своему чадушку и на обучение в Англии (медом им там, что ли, намазали?), и на квартирку, и на персональную выставку...

А поскольку ссориться с губернатором не стоит, мужик он вредный, злопамятный и (только тсс!) жутко говнистый, придется сходить. Повосторгаться десять минут... ладно! Честно выдержать час, высказать свое восхищение и удрать.

Вот лично Борис ничего интересного в таком виде искусства не находил. И «Черный квадрат» не купил бы, даже чтобы дырку на обоях прикрыть. Другой вопрос, что Малевича на должность начальника пиар-отдела он бы взял без экзаменов. И на зарплату не поскупился.

Но здесь и сейчас никто его не спрашивал. Увы.

Надо идти.

Борис в тоске и отчаянии взирал на приглашение, когда ему и вспомнилась Анна. А что?

Поддерживать своего мужчину – первая обязанность женщины. Разве нет? И похвастаться хочется. И вместе они никуда не ходят... как-то так получается!

Вот Лизу Борис то по ресторанам водил, то по кабакам, по танцулькам, а Анне все это поперек сердца, он же видит! Ну хоть куда сходить?

Анна улыбнулась – и согласилась.

– А форма одежды?

– Не вечерняя, но парадная. Все же не абы куда идем... Вот карточка. Аня, солнышко, купи себе что-то дорогое. Знаешь в нашем городе бутик «Львиный зев»?

– Я знаю! – Кира аж подпрыгнула.

– Вот, Аня, завтра с утра купи, пожалуйста, платье?

Аня кивнула.

И проглотила вопрос, почему она так поздно узнает о выставке. Борис ответил на него сам.

– Я бы раньше сказал, но замотался. У Игоря горе, сын умер... ну и дела он забросил. Пьет как лошадь...

Кира фыркнула, показывая, что ей на покойника наплевать! Ей та семейка никогда не нравилась.

– У него еще дочь осталась!

– В Англии.

– Так Англии и надо!

Все рассмеялись, и куда-то растворился неприятный осадок. А и правда... не стоит о грустном! Они живы, они вместе и рядом. Что еще требуется?

Да ничего...

* * *

Бутик, расположенный на втором этаже огромного торгового центра, Анну огорчил.

Редкостно.

Дорого?

Да, безусловно. И дорого, и ярко, и броско, но как вот ЭТО на себя надевать?

Последняя коллекция? Новейшие модные тенденции?

Девочки, миленькие, да ведь мода к человеку гвоздями не прибита! Вещь должна быть и к лицу, и к фигуре, и удобной быть, и носиться хорошо, а вот это... модное, которое на один раз – на него ж без слез не взглянешь!

То стразы на всех местах – смотреть страшно! То ли человек, то ли елка новогодняя!

То разрезы... да еще шнуровка такая, что жутко становится. То ли человек, то ли колбаса...

То сам покрой платья... надо ведь и фигуру учитывать! И не надевать, к примеру, вертикальные полоски на худощавую фигуру. Или крупный рисунок... выглядеть будет жутковато. А ткани?

Сетка, бархат, блески...

Аня еще раз посмотрела, покачала головой – и вышла из магазина. Да ни за что!

И никогда!

– Жуть берет?

Аня посмотрела на уборщицу, которая терла пол шваброй. И решительно кивнула.

– Жуть жуткая. Сама сшить я ничего не успею, а платье надо срочно. Но тут же ничего не купишь! Оно все невыносимое!

– Это уж точно! Разве что деньги там оставлять без толку.

Знаешь что, а ты вон туда сходи!

– Куда?

Уборщица указала в сторону выхода из торгового центра.

– Вот как из этого пафосного кошмара выйдешь, так и налево. Метров триста пройдешь – и в арку. Там магазинчик. Моя знакомая держит... не захочешь что-то покупать, так и вернешься. Цены там точно раз в десять ниже местных.

Анна поблагодарила и отправилась в арку.

* * *

Магазинчик с простым названием «Платья» порадовал ее по-настоящему.

Стоило выбранное платье в десять раз меньше, чем в бу- тике, а выглядело в десять раз лучше. И ощущение было...

Анна отлично разбиралась в тканях. Дорогих и дешевых. Вот эти платья были сшиты из дорогой, по ее меркам, ткани. Качественной. Не скатывающейся и не линяющей. Так что она примерила шесть платьев, подумала – и взяла два. Оба были слишком хороши, чтобы с ними расставаться.

Ладно уж...

Побалуем себя.

Зато как засияли глаза Бориса, когда он увидел Аню в пла- тье цвета молочного шоколада. Совсем простой крой, Анна не считала, что ей нужны какие-то дополнительные портнов- ские ухищрения, чтобы подчеркнуть или скрыть нечто. Так

что фасон выбрала классический.

Облегающий лиф, пышная юбка, узкая талия. Никаких стразов, никаких украшений. Изюминку платью придавал сам материал.

Платье цвета молочного шоколада – и чехол сверху. Словно морозные узоры на окне. Белые, серебристые...

Под такое и украшений не надо. Это платье само по себе украшение. Разве что маленькие сережки. Может быть, еще колечко с жемчугом, но чего нет, того пока и нет.

– Анечка, какая ты красивая! – от души высказалась Кира.

Анна улыбнулась ей и приобняла девочку. Кира сначала застыла, словно ожидая чего-то плохого, а потом расслабилась, ткнулась мордяхой Анне в плечо.

Ребенок.

Пусть и ростом с лосенка...

– Киреныш, ты ведь намного красивее меня! Ты посмотри, какие у тебя глаза выразительные! И волосы шикарные, мы их как крапивой начали мыть и маски делать, так они растут, что грива у коня... и фигура...

– Я толстая!

Аня качнула головой.

– Ерунду ты говоришь. Не забывай, что дети формируются по-разному. Кто-то созревает в двенадцать, кто-то в двадцать. Ты созреешь позже, но и постареешь тоже намного позже иных сверстниц. Надо это осознавать и не поддаваться давлению толпы.

Кира вздохнула.

Вот последнее и было самым сложным. Она ткнулась Анне в плечо, прижмурилась.

– Ты ведь научишь меня так же одеваться? И выглядеть?

– Я тебе передам все, что знаю и смогу, – честно пообещала Анна. И услышала в ответ тихое: «Спасибо». Еще не мама. Еще не сестра. Но близость уже есть.

Как жаль, что нет времени... оно сквозь пальцы утекает, его уже почти не осталось...

* * *

Выставка Валаама Високосного Анну поразила.

Несколько секунд она обводила вот это все взглядом. Потом посмотрела на разнаряженных и вполне серьезных людей, на самого творца шедевров, который активно давал интервью, вещая что-то очень пафосное о новом пути в искусстве, на сами творения...

Нетленные, вестимо.

И подумала, что выражение «нетленка», которым пользовались в этом веке, получило новое значение.

Действительно – нетленка. Такое и тысячу лет в земле пролежит – не разложится. Валаам на мелочи вроде кистей и красок, холстов и бумаги не разменивался, он творил – на века!

Вот – гнутая батарея. Изначально грязно-бурая, сейчас

она разрисована черной краской, причем то, что там изображено, приличные люди даже на заборах рисовать стесняются.

Вот – крышка от унитаза. Причем пережившая и первую молодость, и даже десятую... и на ней опять фаллический символ в самом его пошлом исполнении.

Вот картины.

Дом за фаллическим забором, причем забор-то прорисован с любовью, а дом кое-как. Лес из тех же фаллических символов, аквариум с ними же...

«Символы» везде подчеркнуты, даже выпячены. А вот все остальное...

– Мое искусство попирает старое, косное...

Что-то она уловила из речи творца. Хотя... стоит ли называть ЭТО – творцом? Скорее – вытворителем.

– Боря, а мы здесь надолго?

– Боже упаси! – передернулся Савойский. – От такого навеки импотентом станешь. Еще и энурез замучает. Сейчас я с парой человек пообщаюсь – и уйдем.

Анна была против формулировки, но по сути-то верно? Верно... и тошно.

Ох-х-х!

Это-то здесь зачем?!

Явно использованный памперс, из которого фаллическим символом торчало... ладно, пусть это будет столбик коричневого пластилина.

Анну замутило. Но лицо ее оставалось невозмутимым, улыбка по-прежнему ослепительной...

– Семен Михайлович! – обрадовался Боря какому-то мужчине лет пятидесяти – пятидесяти пяти. – Надолго вы к нам?

– Боря! Ты ли это? Сколько лет, сколько зим... Галочка, ты помнишь Борю?

– Конечно!

Супруга Семена Михайловича завоевала симпатию Анны мгновенно. Да и сам он...

Мужчина не стал, разбогатев, менять одну супругу по пятьдесят на две по двадцать пять. Рядом с ним осталась надежная соратница, проверенный друг. Может, и не такая очаровательная, как в восемнадцать, и складочек на боках явно побольше одной, но карие глаза искрятся улыбкой, темные волосы заколоты в простой узел, и морщинки на лице явно от улыбок. А не от крика или злобы...

– Боречка, а что это за милая девочка с тобой?

– Галина Петровна, это Анечка, моя невеста.

– Анечка! Чудесное имя! И девочка замечательная...

Мальчики, вы поговорите пока о делах, а мы тут почирикаем о своем, о женском...

Мальчики послушно удалились и, судя по виду, действительно заговорили о делах. А Галина Петровна чуточку близоруко прищурилась и собиралась уже впиться в Аню с расспросами, как вдруг...

– О!!! Госпожа Смолина!!! Кого я вижу!!! Вы почтили меня своим присутствием?! А это ваша дочка?!

Художник налетел на женщину ураганом. Анна зло сощурилась.

Таких существ она не выносила. Вот... как есть – хлюсти и штафирка! Весь какой-то вихлястый, нескладный, с длинными невымытыми волосами, которые некогда были... темными? Нет, не понять. Главное, вшей не подцепить, мылись эти волосы явно больше года назад.

Блуза – жутко-лиловая с громадным желтым бантом.

Штаны – ярко-алые, в обтяжку. И то самое подчеркнуто громадным металлическим гульфиком. Ну ладно, в Средние века так делали! Но тогда шить иначе не умели!

А сейчас – зачем?! Да еще металлический, вон ткань аж натянулась, она просто этот вес выдержать не может...

Ниже сапоги-казаки, с металлическими заклепками. Красотища – невероятная. Ковбой времен освоения Запада за такие бы ухо себе отрезать позволил! Но какого вкуса ждать от необразованного пастуха? А тут что?

– Это Анечка, – представила Анну Галина Петровна. И, кажется, даже улыбнулась.

Аня подняла брови.

Испытание? Ну-ну...

– Анечка... Манечка! Замечательно! Галина Петровна, вы с супругом?

Дальнейшее было несложно просчитать.

Либо художник мешает беседе бизнесменов. Либо сводит с ума Галину Петровну, и она тоже за то спасибо не скажет. В любом случае – плохо.

– Сударь, скажите, пожалуйста, что символизируют ваши произведения?

Как-то так Анна говорила, вроде и негромко, но отойти, отвернуться, проигнорировать ее было совершенно невозможно. Валаам и не смог. Остановился, словно вкопанный.

– Манечка, а вы...

– Анечка, сударь, если вы запомнили. Так что выражает данное ваше творчество? – Рука Анны плавно указала на ближайшую картину. С фалломорфированным лесом.

– Э-э-э-э-э... это протест! – сообразил художник. Как-то слова склеивались под дружелюбным взглядом карих глаз и совершенно не хотели вылезать из сведенного судорогой горла.

– Протест?

– В наше время женщины стали мужеподобными! И мужчины обязаны объединяться, чтобы защищать себя! Объединяться всегда, везде, подчеркивать свою мужественность... – Художник указал на гульфик торжественным жестом. – Более того, необходимо создавать истинно мужские братства, которые будут всячески искоренять мужественность в женщинах! Женщина обязана знать свое место, и оно в кухне и рядом с детьми! Но сейчас такое засилье хищных пираний, что страшно выходить из дома...

– Да, вы очень рискуете. Сколько времени надо стае пираний, чтобы обглодать корову до скелета? Пара минут? Вы, определенно, меньше размером, – посочувствовала Анна.

Художник как-то приуныл. И тут же снова просиял.

Еще бы! Будь они на Амазонке! А какие пираньи в средней полосе России? Неубедительно!

– Вот! Поэтому мое творчество – это протест! Это выражение моего сознания! Это крик и эпатаж...

– А я думала, вы просто рисовать не умеете?

Високосный поперхнулся словами и слюнями. И закашлялся так, что Аня предусмотрительно сделала шаг в сторону. Заплюет еще... фу!

– Вы...

– Почему вы удивляетесь, сударь? Такое творчество я каждый день вижу на заборах. Правда, там оно еще и с подписями... кстати, иногда очень выразительно и красиво получается. Ничуть не хуже, чем у вас.

– Я... да я назван самым ярким представителем контркультуры двадцать первого века!

Анна едва не расхохоталась.

– Контркультура? Контр – против... а что у нас против культуры?

– Бескультурие, – подсказала Галина Петровна, которая откровенно наслаждалась. Надоел этот Валаам, хуже, чем библейская ослица. Тоже, кстати, Валаамова.

– Бескультурие, дикость, разруха, неприличие, невоспи-

танность... воистину, есть чем гордиться. Тем, что вы гордо причислили себя к хамам.

Так просто Валаама было не сразить.

– Когда подобные вам самки захватывают власть, мужчины должны стать хамами! Иначе им не выжить!

– Я могу понять ваши взгляды. Но хочу заметить, что вот этот элемент вашего творчества обычно на ребенке меняют хищные и наглые самки, – палец Анны указывал на памперс. – И кстати, вытаскивают их на помойку, а не на выставку.

Это оказалось последней каплей.

Избалованный восхищением и преклонением, Валаам просто не выдержал. Он привык, что никто ему не возражает, что все покорно принимают его слова, что никто не осмеливается сказать даже слова против – он же раскрученный! Он модный!

Он почти бренд!

Он... да у него папа, в конце концов!

И тут вдруг, в его же родном городе, где все схвачено и оплачено, какая-то девка...

Его памперс... Его шедевр – на помойку?!

– Ах ты наглая тупая самка! Тебе просто не дано понять всю величину моего гения!

Валаам верещал так, что на ультразвук начали подтягиваться журналисты. Уже и записывают...

Анна подняла руку:

– Довольно!

Сказано это было в лучших традициях Аделины Шеллес-Альденской. Даже Валаама приморозило. Надолго его бы не хватило, но Анне и не надо было много времени.

– Я не покушаюсь на ваше право быть быдлом. Но считаю, что искусство должно служить людям. Сейчас все больше места занимают китч, крик, эпатаж, но это не потому, что они хороши. Просто человек стремится выделиться. Он прокукарекал, а дальше хоть не рассветай. Он бросил в землю горсть зерна, но пророс ядовитый сорняк. Когда-то великий русский классик Николай Гоголь сказал, что надо отвечать за написанное. Ведь его слова будут читать будущие поколения. Так и художник несет ответственность за созданное им. Ведь сюда может зайти ребенок. Ваши творения выставят в интернете, и их увидят люди. И им будет неприятно и противно. Эпатаж, перформанс, андеграунд... Подполье. То, что не надо выносить на свет. То, что ниже уровня плинтуса, выражаясь языком молодежи. Вы низвели свой талант до уровня подвала.

– Ах ты дрянь!

Возмущенный художник замахнулся на Анну.

Девушка легко отступила в сторону – и дернула мужчину за рукав блузы.

Валаам пошатнулся. Потерял равновесие, запутался в носках казаков – и полетел носом прямо в то самое творчество.

В памперс...

Со всех сторон щелкали камеры.

Валаам с трудом поднялся на ноги, все же подбородком о постамент он приложился неплохо. Коричневый пластилин свисал у него изо рта.

– Тьфу! Кхе!

– Вот видите! Даже вам ваше искусство пришлось не по вкусу, – невинно прокомментировала Анна.

Несколько секунд все молчали.

А потом грохнул такой дикий хохот, что Валаама им попросту смело. Анна победила «всухую».

* * *

– Надеюсь, ты не слишком расстроен моим поведением?

Анна действительно чувствовала себя виноватой. Накинулась на беднягу... он же не виноват, что у него ни ума, ни таланта... вот и пытается хоть как выделиться!

Боря фыркнул:

– Радость моя, даже если ты его с костями скушать изволишь, я не огорчусь. Главное – не отравись.

– Постараюсь. С губернатором проблем не будет?

Борис еще раз пожал плечами:

– Могут. Но не слишком большие. Ты ведь не била его отпрыска, не колотила, он первый отнесся к тебе пренебрежительно. Ты высказала свое мнение о его искусстве, но он

мог ответить словами.

– Не мог. Я его спровоцировала.

– Признаваться необязательно, – погрозил пальцем Борис. Анна улыбнулась ему.

– Тогда молчу.

– Вот и ладно. С губернатором я все улажу.

В этом Борис не сомневался. Может, его еще и поблагодарят. Анна не понимала, но даже черный пиар – уже пиар. Хороший такой, жирненький...

После этого вечера Валаам прославится на всю область. А то и до Москвы дойдет.

Но любимую женщину надо было успокаивать.

– Я все это терпеть не могу, если честно. Но Семен Михайлович в нашем городе был на один день, проездом, а в Москве мне его помощь понадобится. Кстати, на Галину Петровну ты тоже произвела впечатление. Она мне шепнула, что я дураком буду, если тебя упусти.

– Не упустишь. – Анна обняла своего любимого мужчину за шею.

Какие же у него глаза.

Темно-зеленые, прозрачные, ясные...

– Костями лягу. Я так долго тебя искал...

Анна промолчала. И закрыла Борису рот поцелуем.

Чувствовала она себя премеьрко. Но и изменить ничего не могла. Только отдать любимому мужчине все свое тепло, всю любовь – без остатка. Пока она еще рядом с ним. Пока

жива...

Ида, Герцогства

На почту Ида заходила по привычке. Вестей от Кости можно было ждать только с нарочным, Яна пока не написала, поэтому конверт застал ее врасплох. Большой, надежно заклеенный...

И кто тут пишет Зинаиде Петровне Вороновой?

Ида сомневаться не стала, молча сломала сургуч и вытащила письмо. Ровные строчки, буквы округлые, старательные, но Ида не сомневалась – писал ребенок. Несколько ошибок и слизанный след от кляксы только подтверждали ее теорию.

«Тетя Зинаида!

Мама сказала, что вы получите мое письмо и приедите.

Я сейчас в Герцогствах, мама осталась в Русине. Она просила передать привет вам и Полкану и сказать, что любит вас.

Мы живем у купца Менишкова, я и Потап. Потап – это мамин воспитанник и мой друг. Поэтому если нас забирать, то только вместе. Я буду очинь вас ждать. Федор Михайлович хороший, но скоро он поедет в Борхум и Чилиан, а я туда не хочу. Я хочу с вами дожждаться маму.

Приезжайте, пожалуйста.

Георгий Алексеев».

Ида сжала листок так, что тот смялся в тонких пальцах.

– Гав? – вежливо спросил Полкан.

Это помогло.

– Полкаша, миленький! У нас есть племянник! Мы не одни! Мы – не одни!

– Гав! – порадовался Полкан.

Стая – это всегда хорошо! Если стая большая, еще лучше. Племянник... это родной. И та женщина, которая его нашла, тоже родная. А если и еще кто...

Много родных – хорошо.

И добычу стаей загонять легче, и отбиваться проще... надо только, чтобы они действительно были родными. Но это собаки понимают. А люди – не всегда.

Ида улыбнулась:

– Полкаша, мы с тобой поедem за Гошкой! Яна сказала, чтобы я его забрала, я его и заберу! И Потапа тоже! И будет нас уже четверо! Это здорово, правда?

– Гав, – согласился Полкан.

И подумал, что уехать – хорошая идея. А то бегают тут разные... навязчивые! А их даже загрызть нельзя! Куда только этот мир катится?

Несправедливо! Ах как несправедливо, что нельзя призвать к ответу наглеца! И даже покусать не получается...

Да и ладно!

Придумаем мы, что с разными нахалами делать. Главное, что хозяйка счастлива. Полкан встал на задние лапы, поставил передние на плечи Иде и вежливо лизнул ее в нос.

Умыл. От радости...

Глава 3

Восточной отделки являя следы...

Яна, Русина

Всякое бывало у Яны в жизни. Но чтобы так?

Просыпаешься – и чувствуешь себя колбасой. Хорошо так, основательно увязанной по рукам и ногам. Такая супер-колбасина!

Открывать глаза она сразу не решилась. Сначала чуточку приподняла ресницы. Есть такое женское умение подглядывать из-под ресниц.

Та-ак...

И что мы имеем?

А имеем мы похитителя. Одну штуку. Сидит, ногти чистит ножиком. Чтоб ты себе, паразит, пальцы по локоть отрезал!

Еще кто есть?

Вроде нет никого. Сама Яна лежит на чем-то вроде кровати, комната небольшая, не сильно протопленная... хорошо еще – в носках спала. В толстых, шерстяных. А то бы точно отмерзла.

Интересно, а пижама на ней осталась? Теплая, фланеле-

вая?

Яна специально ее заказала портному. Холодно ведь! Весна в Русине пора непредсказуемая, проще сразу одеваться, чем потом лечить сопли. Так что, когда Валежный заказывал для нее наряды, Яна приписала к заказу носки, пижамы и пару свитеров. Да, и вязаную шапку с шарфом тоже.

Их похититель не прихватил. А вот в одеяло ее закутал.

Ладно. За это она его мучить не будет. Прибьет быстро. Познакомимся?

Яна решительно открыла глаза:

– Доброй ночи, жом. Или уже утро? По моим ощущениям нечто близкое? Светает?

Жом подскочил на табуретке и, кажется, порезался. Судя по ругательствам.

Хорошо, но мало... надо бы добавить.

Он развернулся, показывая вполне себе симпатичное лицо, что-то сильно напоминающее Яне. Но что?

Вот как лунный луч... и здесь, и не ухватишь... ну что же, что такое сквозит в повадках и жестах симпатичного мужчины? Не понять...

– Ваше императорское величество! Счастлив с вами познакомиться!

Алоиз Зарайский выглядел немного усталым. Еще бы! Сколько сил он приложил для создания этой ситуации!

А правда – сколько? Много. Очень много.

Он же обаятельный! Он поговорил со служанкой импера-

трицы (не личной, но кто-то же должен был за ее одеждой следить), навешал глупой бабе лапши на уши, обаял – и та начала его впускать в дом. Только на кухню, где ее тетка работала, но Алоизу того и надо было. Он и тетку легко обаял, даром что в той все семь пудов живого веса. Зато и языки у обеих баб болтались, не останавливаясь ни на минуту. Как раз он успел все разведать, узнать расположение патрулей, прикинуть, где поставить лошадь, как вытащить тело...

И в том числе – как подсыпать снотворное.

И Яне, и остальным.

Яна, попав в приличные условия, приобрела некоторые сибаритские привычки. К примеру, выпивать на ночь стакан горячего молока с медом.

Фу?

Кому фу, кому очень даже вкусно. Яне нравилось. Она бы и парного молочка выпила с удовольствием. Само это ощущение, когда оно почти живое, настоящее, и пахнет травами и чем-то неуловимо родным, домашним, уютным...

Яне после него очень даже хорошо спалось. И ничего не снилось.

Вот в это молоко Алоиз и капнул снотворного.

И в кастрюлю с горячим взваром, которым согревались патрули. Весна? Почти лето? А ночи все одно холодные. Поди походи по улице да постой... света не взвидишь!

Дойти до покоев Яны тоже было несложно. И вот она, золотая рыбка!

Его удача, его жар-птица, его корона!

Осталось только уговорить. Все остальные были уже согласны.

Алоиз – за, священник – за, только невеста не в курсе дела. Но даже если она будет против, это не столь важно. Все равно их поженят.

Просто лучше, чтобы добровольно... в себе Алоиз не сомневался. Уговорить, убедить, заставить, запугать... что он – с какой-то девчонкой не справится?

И не таких видали, а и тех ломали!

– Ваше величество, я надеюсь, вы меня поймете правильно.

– Неужели? – хрипловато поинтересовалась Яна. – Слушаю?

– Я вас люблю! Казните меня, но я люблю вас уже давно! Безмолвно, без надежды...

– То робостью, то ревностью томим? – не выдержала Яна.

– Э-э-э-э-э... – растерялся Алоиз. Вот такой реакции он не ожидал. Истерики, угрозы, возмущения, да чего угодно. Но уж точно не спокойного взгляда. Словно это не императрица попала, а он...

Или – он чего-то не знает?

Яна фыркнула и продолжила стихотворение Пушкина до логического конца. То есть – любимой быть другим...

Алоиз понял, что над ним издеваются, и насупился.

– Ваше величество, вы не понимаете всей серьезности си-

туации.

– Правда? – невинно уточнила Яна.

Убить придурка она могла в любой момент! Но кто ее развязывать будет! Она не Гарри Гудини! Это его можно было в Ниагарский водопад спускать, связанного и в бочке, а вот Яна в себе таких талантов не чувствовала. И избавляться от цепей не умела.

От наручников?

Чисто гипотетически она знала, что надо выбить сустав на большом пальце...

Чисто практически – вы на себе это пробовали делать? Больно...

И веревки еще остаются. И одеяло... нет, судьбы египетской мумии Яна себе не хотела. Чтобы ее нашли по весне... следующей. Или нашел кто-то недружелюбный. Проще с этим типом договориться. Пусть развяжет, а уж там...

Ей кажется – или он здесь один?

Вообще, ми-ми-ми... И наверняка считает ее трепетной маргариткой, которая способна только ресничками хлопать. Здесь как-то не принято, чтобы дама – и ногой в ухо... не дорос этот мир до Лары Крофт. И до прочих супергерлов не дорос. К большому счастью Яны.

Даже Энни Оукли – есть ли здесь?⁴

Не важно. Главное, что от нее не будут ждать активного

---

⁴ Фиби Энн Моузи – знаменитая женщина-стрелок. Феминистка и умница.
(Прим. авт.)

сопротивления.

– Я вам делаю предложение. Руки и сердца. Честь по чести.

– Вы хоть кто такой? – устало поинтересовалась Яна.

– Тор Зарайский. Алоиз Зарайский. Так что ваша честь не пострадает. Я из старинного рода вольных дворян, правда, род наш достаточно беден...

– Аферист? – уточнила Яна, наконец сообразив, кого ей напоминает похититель. Да турецкоподданного Остапа Бендера! Морда другая, а вот повадки – один в один.

Профессиональные аферисты в любом мире должны вызывать доверие чуть не с первого взгляда и располагать к себе. Вот и этот старается.

Сгубил его диссонанс.

Сложно доверять человеку, рядом с которым просыпаясь вся увязанная в три слоя. А повадки у него остались, не сообразил перестроиться.

– Я бы попросил! – вспыхнул таким праведным негодованием тор Зарайский, что Яна фыркнула.

Сильнее всего задевает человека именно правда. Яне могли сутки напролет твердить, что она шлюха. Ей было наплевать, ведь это неправда.

Но если бы ей сказали, что она дура...

Хотя и это неверно! Сын у нее замечательный! От дуры такой не родится. И вообще... кто как обзывается, сам так называется.

А вот Зарайского правда зацепила. Больно зацепила, сильно так...

– Значит, аферист, – кивнула Яна. – Вы в экономике разбираетесь?

Судя по лицу – поверхностно. На уровне – как потратить деньги из кармана.

– В политике?

Ну какое ж удивление на моське лица! Можно подумать, она тут бедолаге про кванты и интегралы толкует. И кису Шрёдингера.

– Возможно, у вас военные таланты? Опять нет? Простите, любезнейший, вы мне в качестве мужа не подходите.

– А... не понял?

Такого Зарайский не ожидал.

Криков, слез, растерянности... Минимум – закатить истерику. Максимум... нет, вот умирать не надо. И от ужаса тоже, а то жениться на трупе... м-да. Неаппетитно. Но чтобы его рассматривали как огурец на рынке?

В засолку пойдет, в лежку уже нет. И еще подумать надо, а то бочок подвял. Может, еще поискать?

– Могу вас взять на службу. Проныры всегда нужны, а вы, судя по всему, не дурак.

Зарайский даже оскорбился.

Он – не дурак?!

Он – НЕ дурак!!! Он императрицу по всей Русине догонял, он вычислил, выследил, просто немножко не успел...

это и было вывалено на голову Яны. Та послушала-послушала – и кивнула.

– Ну так как? На службу ко мне пойдете, тор?

Алоиз серьезно задумался.

Журавль в небе, оно, конечно, птичка жирная, на прокорм на несколько поколений хватит и еще останется. Но и синичка в руках тоже неплохо. Императрица слово сдержит, это он уже понял. Может, и стоит согласиться?

Потом он вспомнил про Дрейла, про Вэлрайо... Лионесс никуда не денется. Если он будет на службе, так его защищать никто не будет.

А вот если императором!

Тут и Валежный слова поперек не скажет! Закон есть закон!

Да и не было у афериста сил отказаться от добычи! Он ведь догнал! Загнал! И теперь все бросить? Да разве ж такое можно? Просто нереально! Сил не хватит! Или все – или ничего! И шкуру на кон!

– Ваше императорское величество, вы добровольно за меня замуж выйдете? Или мне помочь вам принять положительное решение?

Алоиз выразительно поиграл ножичком. Понятно, резать императрицу никто не собирается. Но вдруг она испугается? Когда баба боится, она на все согласна.

Яна вздохнула про себя.

Ну вот. Опять убивать. А ведь не хочется... Хелла, почему

неглупый человек, который может принести большую пользу, принимает такие неудачные решения?

Или – не убивать?

Попробовать живьем взять?

О ее талантах, судя по всему, мужчина не осведомлен. Надо попробовать его удивить.

– Как вы себе представляете нашу свадьбу?

– Со священником я договорился. Нас ждут в часовне.

– Связанной?

Алоиз прищурился.

– А развяжи вас, так вы или драться начнете, или убежать захотите...

– Захочу, – не стала скрывать Яна. – Вы не дурак, сами понимаете, тор, у меня за вас выходить никакого желания нет.

Честность Алоиз оценил.

– Значит, так... руки я вам развяжу. А вот ноги – не обессудьте. Вздумаете кричать или чего еще – рот заткну. Хоть вас никто и не услышит, но глупости я слушать не хочу. И от жены буду ждать покорности.

Яна не удержалась. Фыркнула.

Аделину Шеллес-Альденскую бы тебе!

Была бы тебе и покорность, и белка, и свисток. И камень на могилку.

Жом Зарайский помрачнел, но свое слово выполнил. Руки ей развязал. А вот ноги стянул петлей так, что передви-

гаться она могла только мелкими семенящими шажками. Едва-едва.

Зато не убежит.

Теоретически можно распутать ноги, но это время нужно. А когда тебе в ребра упирается лезвие ножа... да еще и шипят на ухо, что та змейка ужик...

– Дернеш-ш-ш-шься – полос-с-сну!

Анну, наверное, это напугало бы. Яна даже плечами не пожалала, хотя укол и почувствовала. И даже капельку крови, которая стекла по ребру. И разозлилась.

Ах ты козел!

Мою пижаму портить?!

Ну все! Буду казнить и тиранить! Даешь Петра Первого! Руби ему голову по самую бороду!

На пижаму был накинут халат, на него одеяло – дойти не замерзнешь, но и побежать не выйдет, ночи еще холодные. Да и куда бежать?

И зачем?

Яна вышла на улицу и огляделась.

Так...

Она в городе. Это ясно сразу. Они рядом с храмом – такое тоже не перепутаешь, вот он, храм... один из полуброшенных-полузагаженных?

Наверное.

Но обряд, совершенный в таком храме, все равно имеет силу. И священник там ждет.

Яна увидела его и успокоилась.

Не противник. Попик был – просто сказочный. Есть такие батюшки, которые из молодых да рьяных. А заодно бестолковых и бессмысленных. Чего-то хотят, чего-то мечтают, а что толку?

Как говорил один Янин приятель – ни в церковь, ни на бабу.

Потом они взрослеют, умнеют, набираются опыта, но это потом, потом...

Справедливости ради, такие есть в любом месте и в любой профессии. Яне просто повезло, что здесь и сейчас попался именно такой.

Не повезло аферисту. А вот попу – наоборот.

Немного не доходя до алтаря, Яна вдруг охнула, подвернула ногу и едва с размаху на пол не села. Повисла на Зарайском всей тяжестью.

– Нога!

Мужчина даже не заподозрил комедию. В первые три секунды, а потом было непоправимо поздно. Яна извернулась гадюкой и весьма удачно подсекла Алоиза под коленки.

Аферист и булькнуть не успел.

Полетел с высоты своего роста, приложился лбом так, что добавки не потребовалось, и ушел в nirvanу. Яна ему даже позавидовала. Лежи себе и лежи. А ей еще тут разбираться.

Впрочем... было бы с кем и о чем!

– Стой на месте, пока не прибила, – мрачно сказала она

попику. – Что тебе этот козел обещал?

– Д-денег, – сознался несчастный. И покраснел. – У меня дом сожгли, семья в землянке живет, и голодно...

– А ты умеешь делать только детей, – подвела итог Яна. – Бывает.

Сердиться на дурачка, которого использовали втемную, она не могла. Чего уж там, выжить всем хочется. Да и признался честно... ладно, сегодня дурачку повезло. И обеты не нарушил, и жив остался, и денег заработает.

– Т-тора...

– Тора Яна. Тебе не сказали, кого венчать надо?

– Н-нет...

– Ну и ладно. – Яна распутала узлы на ногах, вытащила веревку и без всякой жалости принялась увязывать афериста. – И не надо тебе. Сколько этот кадр тебе обещал?

– Т-триста...

Яна похлопала по бесчувственной пока тушке, достала бумажник и принялась отсчитывать ассигнации.

– Пятьсот. Но ты отправишь сюда первый же патруль. Сам можешь не возвращаться. К тебе никаких претензий нет, ради семьи еще и не на такое пойдешь... так. Лучше – тысячу.

Денег Зарайского Яне жалко не было.

– Спасибо! Направлю обязательно! Спасибо, тора! Вы мне просто жизнь спасаете, – закланялся поп. – Вот сразу же и... Тора, а вы...

– А я патруль подожду.

А что? На себе, что ли, этого лося тащить? Яна могла бы повторить подвиг средневековой героини, взвалить на спину соковище и поволочь, но было откровенно лень. И холодно. И грязно.

Алоиз лишился теплой куртки.

– Контрибуция, – мрачно произнесла Яна, добавляя аферисту еще и кляп в рот. Лично свернула из рукава его рубашки. Надо бы носком попользоваться, да сапоги с дурака стягивать лень. Взяли моду – царевен воровать! Вам тут чего – русская народная сказка?

Болван-царевич и серый волк?

Простите – Иван.

Хотя... вот тот сказочный момент, когда на месте царевны оказывался волк, Яне очень нравился. Актуальненько получилось. В духе времени. Ты думаешь, у тебя жена красавица? А ты ее без косметики видел?

Патруль долго ждать не пришлось. Получаса не прошло, как явились, голубчики. Яну, правда, не узнали, но она и не расстраивалась.

Показала на Зарайского и скомандовала: к Валежному.

А когда ребята начали выяснения, предложила отправиться в комендатуру вместе с ними. И там подождать генерала.

Придет, никуда не денется. Колечко видите?

Колечко ребята видели. И даже примерно поняли, кто перед ними. Раскланялись и потащили.

Яна довольно кивнула и пошла вслед за патрулем.

Вот так оно... когда ловишь мышку, помни! Тебе может попасться кошка. Или вообще крокодил! Голодный. Так что кто еще тут попал и попался – бо-ольшой вопрос.

Русина, Звенигород

– Он – что?!

Пламенный как раз узнал, что Тигр дал его супруге сопровождение.

Дураком жом Пламенный не был. И отлично у него все складывалось. И неизвестная женщина в жизни Тигра, и... да, портрет Анны он показал нескольким охранникам, и те опознали подругу Тигра из поезда.

И его поведение.

И тайны.

И зерно, которое по его приказу закупал Ураган.

И...

Пламенный уселся за стол и задумался. Серьезно.

Судя по всему, жом Тигр готовится... предать? Пожалуй, что так. Тем более вовремя перейти на другую сторону – это не предательство, а предвидение.

Арестовать бы негодяя, но тот умен и хитер. Просто так, голыми руками, его и не возьмешь. Без доказательств для своих... на его стороне Ураган, на его стороне... да половина этих тупых шакалов! Его арест сейчас попросту расколется Освобождение!

Им бы сплотиться в единый кулак и в неистовом порыве... Так, это он уже заговариваться начал. Оставим красивые фразы для быдла, оно на них клюет, как сом на тухлятину.

И серьезно подумаем.

Супругу не достать – она в безопасности.

С Тигром не разобраться – он за себя постоит. Увы...

Валежный обнаружил императрицу и идет на Звенигород. Логинов уже в тылу, бесчинствует, перерезая коммуникации.

Броневой выехал Валежному навстречу и собирается дать сражение, пока врага еще можно бить по частям. Но как еще сложится? Калинин собирается перевестись с Логиновым и уверен в своей победе. Но так ли в ней уверен жом Пламенный?

Логинов далеко не дурак. Нет...

Тогда – что?

Выход только один. Сделать так, чтобы его, Пламенного, в случае чего отпустили и проводили до границы. С поклонами.

А вот как это сделать?

Да, у жома Пламенного была одна идея. Откровенно гадкая, гнусная и подлая. То есть – в самый раз. А чего ему стесняться? Чего терять?

Вот терять-то есть чего!

И власть.

И деньги... Он из Русины столько выгреб на заграничные счета, что правнукам хватит икорку половником кушать.

И самое ценное. Жизнь...

Помирать жому Пламенному решительно не хотелось. Надо было подстраховаться. Мужчина несколько минут выводил пером по бумаге какие-то замысловатые узоры – мысли он листку доверять не собирался. А потом крикнул охранника и приказал вызвать к себе жома Огненного. Для важной беседы.

Если уж его выгонят... о, он найдет, как хлопнуть дверью!

Русина, Илья Алексеев

– ЧТО?!

Анна!

Он узнал бы ее из тысячи, из миллиона! Да что там! Узнал бы на ощупь и в полной темноте!

Его Анна!

Живая...

Императрица?

Сведения доходили сюда медленнее, но железные дороги постепенно начинали функционировать. Прибыли и газеты из Ирольска. И там-то...

Это была именно его любимая. Его... кто?

Илья запнулся, словно на стену налетел.

А правда – кто? И что он скажет Анне при встрече?

Ты меня прости, любимая. Я тебя все равно люблю, но женился. Сделал другой бабе ребенка. И... не уберег нашего сына.

Вопрос, сколько он после этого проживет, даже не ставился. Секунд пять.

Сына Анна любила до безумия. Сестра Ирина даже ревновала слегка к этой любви, сама она так не могла. Не дано было. Гошку сестра любила как родного, но чтобы так? Безудержно, беспредельно, до последней капли крови – такое не всем дано. То ли благословение, то ли проклятие. Анна так и любила. Тихая и спокойная, когда дело касалось ее лично, Анна преображалась в сущего демона, когда дело касалось сына.

Нужны деньги?

И великая княжна под покровом ночи грабит чужие шкапулки, да и свою тоже.

Нужно вырваться из дворца?

И великая княжна переодевается в платье служанки и удирает через потайную калитку. Или лезет в потайной ход, в котором уж лет сорок ни единой живой души не было.

Нужно...

Илье иногда казалось, что если бы Гошке луна с неба понадобилась, так Анна бы полезла и отодрала.

А уж жизнь положить, хоть свою, хоть чужую... Анна бы не задумалась ни секунды. Если это нужно для сына? Да убивайте, не жалко!

Она жива.

А он – женат.

Скрыть этот факт никак не выйдет, это даже не смешно. И ребенок. У них с Маргошей будет ребенок, может, даже уже есть... и как это воспримет Анна? Скажет, что Илья без нее не скучал, кто бы сомневался.

А это что?!

Императрица собирается выйти замуж...

Илья обхватил голову руками и тихо застонал. Сам, сам все прогадил, сам спустил свою жизнь в нужник, сам... Анна для него потеряна навек. Она человек болезненно честный и прямой.

Никогда Анна не станет изменять мужу. Для нее это попросту невыносимо, чудовищно, нереально... она же слово дала! Разве можно его нарушить?

Вот бросить все, уйти, а потом уже, может быть... это другое. Но и так Анна никогда не поступит. Илья ее знал. Ответственность у нее тоже болезненная. Положиться «на авось» для Анны невозможно. Она все проверит, все проконтролирует, продумает, а уж потом будет принимать решение. Но никогда не поставит свои интересы вперед интересов Руси.

Или сына...

Был бы жив Гошка, можно бы... ладно! Хоть близким человеком остаться. Побывать рядом с ней, поговорить иногда, руки коснуться... о большем-то не стоит и мечтать.

Но сына нет.

В тот вечер Илья нажрался так, что не проспался до следующего вечера. И очень жалел, что не сдох.

Больно. Очень больно. И винить за это было некого.

Все сам, все сам...

Оставалось только в сражение. Только в буре он обретет покой. Так что приказ выступить в сторону Хормельской волости Илья принял с восторгом.

Ида, Свободные герцогства

Армандо был уже научен горьким опытом, а потому не стал ломиться в дверь.

Сидел и ждал. В экипаже, напротив знакомого дома. Только никто так и не появлялся на пороге.

Сидел час, сидел два... потом встревожился. В это время Ида уже выходила со своей мерзкой шавкой... отравить его все-таки, что ли? Не хотелось бы. Но что еще-то делать, если ничего другого не получается? Мало ли? Может, шавка отравленную крысу сожрала и околела?

Надо обдумать этот вопрос.

Но сейчас-то они где?!

Даже если с Идой что-то... шавку все равно должны были вывести! Что происходит?!

Тор Рессаль плюнул на все, вылез из экипажа и пошел стучать в дверь. Дверь долго себя ждать не заставила и распах-

нулась, едва не попав тору по лбу. На пороге возникла тет-ка, с которой Армандо уже сталкивался. Этакая Брунгильда, кровь с молоком. Не пройдешь...

Она уперла руки в бока и хмуро поинтересовалась:

– Чего угодно, тор?

– Мне угодно повидать тору Иду.

– А ее нет.

– ЧТО?!

Армандо почувствовал себя как обиженный ребенок. Вот перед тобой в вазочке лежала конфета. Большая, вкусная, ты на нее облизывался, вокруг ходил, и тут кто-то приходит и уносит вкусняшку у тебя из-под носа! Люди добрые, да что ж это делается-то?! Где в мире справедливость?!

Жама Эльза презрительно поджала губы. На нее все эти хлюстячьи ужимки не действовали. Вот еще не хватало хоз-зайке такого... с-счастья! От слова «счас-с-с»!

– Тора уехала.

– А когда приедет?

– Не сказала.

– Но дом она не продала?

Жама Эльза пожала плечами:

– Она думает.

Что дом не продан, Армандо мог уточнить в две минуты. Но... вдруг он решит, что тора Ида уехала надолго? Есть же шансы!

– Думает... уехать насовсем?

Жама Эльза подняла бровь. А что бы не заработать на этом... паразите?

Армандо понял все правильно, хоть и паразит. И в карман передника Эльзы скользнула золотая монета. Женщина сделала вид, что смягчилась.

– Хозяйка говорила, что очень уж от вас устала. Хотела съездить куда в другое место, развеяться...

– А куда?

Жама Эльза пожала плечами.

Опять же, узнать, куда тора Ида брала билет, было невозможно. Жама Эльза лично его покупала. До именных билетов оставались еще годы и десятилетия, так что с этой стороны за Иду можно не волноваться.

Жама выразительно потерла пальцы. Испачкались, наверное...

Армандо опять все понял. И после еще трех золотых жама Эльза призналась.

– Хозяйка меня посылала на вокзал. Взять билет до Ламермура.

А что до Ламермура она не доедет, сойдя на полпути, ну кто об этом узнает? Получилось чуточку дороже, но безопаснее.

Армандо воодушевился.

Ламермур?

Там-то птичка от него никуда не скроется!

Мысль, что ему могли солгать, даже не пришла в красивую

голову. Он же заплатил! Разве ему могут солгать, за его-то деньги?!

Жама Эльза проводила его насмешливым взглядом.

И пожелала, чтобы он не возвращался. И подольше, подольше... пусть найдет себе в Ламермуре какую-нибудь девушку и забудет обо всем! Или с семьей будет разбираться. Или...

Да пусть хоть на крышу ратуши залезет и петухом кукарекает! Лишь бы ее хозяйке на дороге больше не попадался! Не нужен ей такой...

Ей нужен защитник и опора, а не эта свистушка в штанах, так-то!

Яна, Русина

Валежный в гневе был страшен.

Он не орал, не топал ногами, не угрожал всех расстрелять и повесить, что останется. Но глаза у него были...

Народу оставалось только разбежаться. Кто успел.

Алоиз Зарайский разбежаться не мог. А хотелось, так хотелось... Но куда там!

Компания была тесная и непринужденная. Генерал Валежный, тор Изюмский, жом Зарайский. И лично ее величество. Валежный попытался было намекнуть, что некоторые сцены не для дамских глаз, услышал пару предложений из «курса экстренного допроса в походно-полевых условиях»

и как-то сбледнул с лица. Потом поинтересовался, кто именно говорил о таком рядом с императрицей.

Услышал сакраментальное «освобожденцы» и успокоился.

Действительно, эти могли и ерша засунуть. Именно туда. Или еще чего похуже! А уж облить керосином и поджечь... да, именно ТАМ облить!

Запросто!

Хотя их оппоненты тоже не стеснялись. Аргументация с обеих сторон шла такая, что святая инквизиция бы за голову схватилась. Или спешно помчалась опыт перенимать. На гражданской войне не бывает беленьких и черненьких, обе стороны одинаково серы. И страшны.

Так что...

Потрошить жома Зарайского было необходимо. Но, может, попробовать сначала не калечить? Пока...

Если не будет заператься.

Однако проводить беседу в подвале Валежному это не помешало. В специально оборудованной на скорую руку пыточной камере. С жаровней, крестовиной, палачом и прочими приятными на вид артефактами.

Зарайский храбрился изо всех сил. И ругал себя последними словами.

Дурак!

Какой же он дурак!

Неужели обычная женщина смогла бы проехать в такую

пору через половину Русины? Да никогда! А он расслабился, понадеялся на себя, дурак! Баба же! На что она может быть способна?! Тьфу!

Вот и получил. Спасибо, не убила. Или – жаль, что не добила? Меньше бы помучился?

Зависело от того, что ему хотят предложить и что желают услышать. Закладывать жом Зарайский собирался всех. Не одному ж пропадать? Это даже и не комильфо как-то...

Первым начал разговор Валежный.

– Ваше императорское величество, может, все же его повесить? Сразу?

– Повесить всегда успеем, – сыграла доброго следователя Яна. И тут же разрушила это впечатление: – Сначала спрашиваем. Потом пытать будем, чтобы убедиться, что негодяй все рассказал. А потом и повесим.

– Ваше императорское величество, с мертвого пользы мало. А вот живой он может пригодиться, – вступился тор Изюмский. – Вдруг какая польза будет? Докажет жом, что он полезный, так и убивать не будем? Сразу-то?

– Он, кажется, говорил, что тор, – «вспомнила» Яна.

Валежному она пересказала все. И разговор, и обстоятельства похищения. И мужчина взвился.

Хотя с чего бы?

Одно дело – воевать. Другое – охранять. Силовик и телохранитель – это не одна профессия, это очень разные специальности.

Воевать – оно как? На врага, вперед, в атаку...

Телохранитель же должен и заметить опасность для клиента, и прикрыть его, может, даже и своим телом, если понадобится. Это другая выучка, другие навыки. И вообще разделение бы провести по специальностям.

Спецназ там, антитеррористическое отделение, телохранители... а то – что? Жандармы одни зашиваются. И тех грязью закидали и заплевали. Самое обидное – за что? За то, что псы режима? Ну так у них работа такая. Или за то, что каждый пламенный революционер от них по зубам получал? И все равно – работа! Небось как сами во власть пролезли, так тоже себе полицию завели? То-то и оно...

Так что генерал слегка полютовал, вlepил всем уснувшим по десять нарядов вне очереди на чистке нужников и успокоился. Действительно...

Даже собак учат, что из чужих рук ничего брать нельзя.

А людей учить не надо? Они, типа, умнее? Ну-ну... не при кинологгах будь сказано. Да и не при военных. Если кто имел дело с новобранцами...

Весь гнев Валежного вылился на бедолагу Алоиза. Что выразилось в лишней дюжине пинков и паре-тройке падений.

– Предлагаю сначала выяснить, кто именно послал сего жома по моему следу, – предложила Яна. – А уж потом...

– И кто же? – Тор Изюмский был сама доброта.

Алоиз поежился.

Принцип «двух следователей» он понимал и не слишком обманывался возможной добротой, но... как-то оно иначе воспринимается, когда под следствием именно ты.

А чего ему скрывать?

– Лионессцы. Есть там такой, тор Дрейл. И тор Вэлрайо.

– Ясненько, – хмыкнула Яна, подумав, что она правильно ориентировала Дмитрия, даже не зная всех обстоятельств. Но... – Подробности?

Подробности Зарайский выложил. И кто, и сколько, и за что именно. И на Яну косился... странно. Правду сказать, не воспринималась Яна как императрица.

Вот в другой обстановке, может быть... а тут?

Сидит девчонка, верхом на стуле, облокотившись на спинку, с простой прической, в брюках и рубашке, хоть и из хорошего полотна, но все же – мужская одежда. Два украшения – серьги в ушах, простые золотые капельки, еще с Зараво остались, еще от той Анны, и кольцо на пальце. Ни тебе драгоценностей, ни шика, ни лоска, ни краски, ни платья, ни фрейлин... собственно, ничего!

Зато револьвер висит на поясе.

И судя по тому, как он висит... его не раз применяли.

Зарайский закончил ответ и не удержался:

– Ваше императорское величество, револьвер у вас – заряжен?

Своего рода провокация. Он еще и успокоился слегка, пока рассказывал, и прощупывать почву начал...

– Вопросы здесь задаем мы, – надавил голосом Валежный.

Яна хмыкнула. Достала из кобуры револьвер, прокрутила его на пальце, не хуже иного ковбоя, убрала обратно.

– Ради вас я стены портить не буду. Могу вам попасть по выбору, куда захотите. Только чтобы пуля в мясе застряла, а то отремонтируй потом подвал.

Звучало это совершенно серьезно. Алоиз сбледнул, сглотнул и решил не задавать глупых вопросов. Потому как нож он у императрицы тоже видел. Ножны четко выделялись под тонкой рубашкой, на руке. И клинок тонкий, острый... отлично вонзится хоть между ребер, хоть в ухо...

Стилет, скорее.

– Вы ехали через Звенигород? – уточнил тор Изюмский.

– Я бывал там.

– Подробности? – оживились мужчины.

На подробности Зарайский тоже не поскупился. Знал он неожиданно многое. Укрепления, пулеметы, отряды...

Просто так столицу будет не взять. Это понимала Яна, это понимал Валежный. И сколько человеческих жизней придется положить? Сколько людей не вернется в свои дома ради символа победы? Кто владеет столицей, тот владеет Русиней. Но...

Какой ценой это оплатит страна?

– Нам бы пятую колонну, – мечтательно протянула Яна.

– Пятую колонну? – не понял Валежный.

Яна вздохнула.

Ну да, в этом мире данное выражение не употребляли. Не родился пока еще генерал франкистов Эмилио Мола. И не сказал свою знаменитую фразу про Мадрид, мол, мы пойдем четырьмя колоннами, а пятая ударит изнутри... Точнее Яна не помнила. Но смысл был этот.

Пришлось объяснять.

– Это сберегло бы нам время и силы, – согласился Валежный. – Пламенный власть не отдаст, вцепился когтями и клыками...

Яна кивнула.

Пропаганда у врага работала на полную мощность. Кого загоняли добровольно, кого добровольно-принудительно. Но войско росло. Цена таких вояк копеечная, но мясом завалить врага всяко сойдет.

А для Яны и эти парни были бесценны!

Каждый, каждый погибший в гражданской войне – это еще минус одни рабочие руки, минус один отец для детей, минус один воин в будущем...

Понятно, когда внешний враг развязывает войну в чужой стране. И радуется, подглядывая в окошко. Ему чего? Противник сам себя уничтожает, это хорошо. Своими силами, на своей территории, за свои же деньги – красота!

Но Яне-то Русина нужна вся, целиком и без изъянов.

То есть не нужна, но...

Жалко, Хелла всех сожри!

Жалко, понимаете?!

За проклятыми цифрами сухой статистики стоят живые люди. Может, у мужчин как-то получается от этого абстрагироваться, а вот Яна не умела. Не могла...

Жом Зарайский поглядывал с надеждой. И Яна махнула рукой.

– Тор генерал, пока убивать не будем?

– Пока поживет, – согласился Валежный. – Сейчас вас, жом, развяжут. И дадут бумагу и карандаш. Запишите подробно все, что вспомните. Потом мы с вами еще поговорим. Подробнее.

Зарайский помрачнел.

Кажется, где-то он уже наврал. Но не жалеть же афериста? Вот еще не хватало!

Русина, Хормельская волость

Такого не ожидал никто.

Илья отдал приказ: не жалеть никого. Убивать всех, кто сопротивляется. Разве что детей оставлять в живых. И то – если не стреляют во врага.

Боль и обида требовали выхода.

И запылали села и хутора Хормельской волости. Черным жирным пламенем понеслись в небо костры от горящих домов.

Илья не церемонился.

Что могут противопоставить регулярной армии отряды

«счастливи́чиков»? Ну... могут.

Но не слишком многое. С дисциплиной у них проблема, с вооружением, с конями... Илья не стеснялся в средствах. Да так, что даже выдавшие виды вояки отводили глаза. Кое-что и для них было слишком.

Ладно – захватить село. Но поля-то зачем вытаптывать? Избы поджигать? Демонстративно вешать всех мужчин от пятнадцати до пятидесяти? Отдавать баб на забаву?

Есть вещи, которые не одобряют даже свои. И чаша терпения даже самых стойких начинает переполняться. Они ведь не палачи, не убийцы. Они военные. А понятие «преступный приказ» есть в любом мире. Рано или поздно кто-то сорвется, и...

Но Илье все было безразлично.

Ему было больно, понимаете, больно! Его Анна! Его любовь!!!

За это предстояло кому-то заплатить. И плевать Илье было на Маргошу, которая ждала от него весточки. На всех плевать. А Яна даже и не думала о нем.

Может, настоящая Анна и написала бы.

Ну хоть повидаться. Хоть про сына сказать. Но Яна автоматически перенесла на Алексеева свое отношение к Цветаеву. Почему-то решила, что ему тоже не нужен ребенок, хоть это и было неправдой. И даже Валежному ни слова не говорила.

А тот и не напоминал – еще не хватало!

Молчать и молчать. А то еще захочет императрица чего-нибудь не того, а Алексеев... да ладно еще, что женат! И познатнее жены огурцами травилась, к примеру. Или там с горы падали.

Но ведь и в императоры Алексеев не годится. Решительно. Так что – молчим от греха.

А Илья лютовал и зверствовал. И долго такое положение дел продолжаться не могло.

* * *

– Ой, горюшко! Ой, лышенько!

Валька голосила от души. И немудрено было...

То племянник! А то вся семья, считай! Стариков выкинули, отца и братьев вырубил, над сестрами-невестками надругались. Детей и тех не пожалели. Двоих конем стоптали.

Может, и не специально, да с того ж не легче!

Стоит ли удивляться, что Никон слушал этот вой, слушал донесения и наливался дурной кровью.

По его землям!

Шляется какая-то сволочь!

В своих симпатиях и антипатиях Никон был последователен. С Валежным он даже разговаривать не пожелал, впрочем, Валежный и не настаивал. И больше никого не присылал. Нечего людей губить.

Все сказано, все услышано... между людьми. Теперь заго-

ворят снаряды и пулеметы.

С Пламенным Никон бы тоже не разговаривал – тварь та еще! Чего уж... не любил Никон власть в принципе. Его б воля, собрал бы он всех правителей-политиков-королей-царей да и утопил в одной бочке на глубоком месте. И чиновниками сверху присыпал.

Да, еще можно туда гранатку булькнуть. Парочку даже. Чтоб точно ничего не всплыло. Такая вот простая политическая программа.

Увы, видимо, она опередила свое время, и сильно. Никто из власть имущих на нее добровольно не соглашался, разве что удрать не успевали.

Но орать «По коням!» и мчаться на праведную месть Никон не стал. Вместо этого подозвал к себе одного из подчиненных.

– Давай-ка, направь разведку. Пусть посмотрят, кто там, сколько, какими силами...

И то понятно. Чего людей-то губить? Сначала осмотреться надо...

* * *

Донесение доставили на третий день, и Никон едва слюной от возмущения не подавился.

Полк?!

Всего лишь полк паркетных шаркунов?!

Ну, вы сами, твари, напросились... сколько вас там? Порядка пяти тысяч? А я могу втрое, вчетверо больше собрать... не видеть вам первого снега! И лета вы тоже не увидите...

Собирать людей даже и не пришлось. У Никона оказалось около двенадцати тысяч человек. Илья все за него сделал.

Сжег ты хутор? Куда люди пойдут?

Да к своим, понятное дело, и по дороге вести о тебе разнесут! И тут уж каждый, кто может держать оружие, каждый в строй встанет! И плевать им на твои душевные страдания!

Так что примерно через четыре дня Никон выступил навстречу Илье.

Анна, Россия

Школа закончилась. И Гошка неожиданно для себя получил приличные оценки.

Но!

Мама попросила, да и Кира не была против... почему бы не позаниматься языками? Курсы работают, а языки, английский, немецкий и французский, всегда пригодятся.

Даже Кира согласилась. А поскольку раньше она игнорировала такие курсы, как «отстой» и «нудятину», занимались они вместе. Разве что в разных группах. Тут ведь деление не только по знаниям, но и по возрасту. Понятно же, дети пяти-семи лет и подростки пятнадцати-шестнадцати долж-

ны обучаться по-разному.

Анна и сама с удовольствием позанималась бы. Пока она обнаружила, что ламермурский язык имеет много общего с французским, а лионесский с английским, и иногда, вздыхая, проглядывала учебники.

Ей уже не пригодится.

А жаль, она бы с удовольствием их выучила. Когда знаешь больше пяти языков, дальше их учить легче и легче...

Гошка закончил занятия раньше и сидел на подоконнике. Делал домашнее задание по горячим следам, ждал Киру. И уж точно не ожидал какую-то постороннюю тетку, которая шла к нему с подозрительной решимостью.

– Ты – Георгий Воронов?

Гошка прищурился:

– Тетя, а вы кто?

Про незнакомых людей мама ему постоянно рассказывала. И учила, что надо орать громче и бежать быстрее. А если удрать не получится, так хоть кусайся. Человеческий укус – он хуже гадючьего бывает! Но эту тетку кусать не хотелось. Выглядела она так...

Гошка почему-то подумал о «железной леди». О роботе, что ли? Такое кусать, что металлический прут. Зубы обломаешь.

Ольга Сергеевна, а это была именно она, попробовала доброжелательно улыбнуться. Получилось отвратительно.

– Я – твоя бабушка.

– Мамина мама? – уточнил Гошка, который ту маму в глаза не видывал. Да и не хотел. Яна от сына ничего не скрывала, и что думал ребенок о бабе, которая бросила дочь ради любовника...

Это взрослые считают, что дети не поймут. И напрасно. Все они отлично понимают, особенно что такое подлость и предательство.

– Я – мать твоего отца. Сережи Цветаева.

Гошка фыркнул. Честно говоря, он Ольгу Сергеевну даже не узнал. Видел-то один раз, и то на похоронах, и вообще – не вглядывался.

Ну, вопила там какая-то... в черном. И чего? Каждую тетку запоминать? Ему намного интереснее было, когда все это закончится и он пойдет с мамой, дядей Борей и Кирой гулять. Тем более он не собирался признавать никакого отца – сейчас.

– И что? Я ему не был нужен, вот и все.

– Ты знаешь, что он умер?

Гошка фыркнул еще раз:

– Я его в жизни не видел. Чего мне плакать?

Спорить с этим было сложно. Дети... они ведь не понимают таких материй, как выгода и наследство. Они судят иными категориями и часто бывают безжалостнее иных палачей.

– Ты никогда о нем не думал? – пыталась пробить стену отчуждения Ольга Сергеевна.

– Мне некогда было. Я едва не умер.

Гошка уставился в учебник. Ну вот... сейчас эта тетка заведется на полчаса. Отец-дед-прадед, родная кровь – морковь – любовь... В результате он не успеет сделать задание, придется наверстывать вечером. А он хотел, чтобы мама ему читала сказки.

Как-то у них так повелось...

Чтобы все вечером собирались в гостиной, чтобы дядя Боря разжигал камин, чтобы Анна устраивалась на диване, а Гошка и Кира подсаживались к ней с двух сторон и выбирали книгу. А Анна им читала.

Глупо? Отстой? И вообще, игры интереснее?

А вы попробуйте.

Игры – они пустые, холодные и безразличные. Ты можешь убить сто тысяч монстров, сохраниться, пойти дальше, можешь построить город на песке, но это – там. Не тут. Игрушке все равно, жив ты или умер, как ты себя чувствуешь, о чем думаешь, чего желаешь... это придуманный виртуальный мир.

А реальный...

Реальный – это когда тепло, тихо и уютно. По-настоящему. И мамин голос, и рука, которая обнимает тебя за плечи, и странички, которые ты переворачиваешь, потому что другой рукой мама обнимает Киру, и дядя Боря, который считает что-то важное или читает какие-то сводки, но – рядом. Вместе.

И утверждает, что ему ничуть не мешают приключения

Марьи Моревны или Ивана – крестьянского сына. Даже наоборот. Им всем спокойно и уютно.

И тетя Роза, которая приносит всякие вкусняшки и смотрит такими теплыми глазами...

И Смайлик, который обожает семейные вечера, приходит и устраивается на ногах у дяди Бори. И мурчит. Тоже греется. И греет...

Семья. Настоящая. А не суррогат из чужих людей под одной крышей, игрушек и ток-шоу.

Ольга Сергеевна, заметив, что мальчик ее просто не слушает, попробовала кашлянуть. Потом тряхнула его за плечо.

– Георгий! Послушай меня! Твоя мать лишает тебя блестящего будущего!

А в следующую минуту...

– А ну отойди от моего брата!

Кира выглядела так, что с ней побоялся бы связываться даже медведь-шатун. Борис Савойский, при всей его мягкости с родными и близкими, добрым и безобидным существом не был. И пара трупов как финансовых, так и обычных, за ним числилась.

Кира и это унаследовала от отца. Только еще сама об этом не знала. Не приходилось применять. Но вот сейчас все аж всколыхнулось внутри...

Ее. Брату. Угрожают!

Да кто такое спустит с рук?!

В отличие от Гошки, она помнила эту тетку. И помнила

гадкий скандал, который та пыталась устроить. Пусть получилось-то все хорошо, но благодарить не тянет. Разве что стукнуть чем потяжелее.

Ольга Сергеевна посмотрела на Киру как на особо тупого таракана.

– Не мешай мне. Кыш.

Зря она это сделала. Потому что Кира перешла от слов к действиям.

Если кто сталкивался с газировкой (вредно, но вкусно же! И тянет! И вообще иногда можно!), тот знает. Не надо взбалтывать еще не открытую бутылку.

Кока-колу Кира купила. Но до занятия выпить ее не успела, чтобы не расстраивать Гошку. Тому тоже хотелось, а нельзя. После операции еще какое-то время ему надо будет соблюдать диету.

После?

Тоже некогда. Домой хочется. К папе и к Ане. А там еще вкусняшки в холодильнике, и свекольник... ум-м-м! И квас такой... куда там газировке из химикатов?

– Пш-ш-ш-ш-ш! – сказала кока-кола.

– Б...!!! – эмоционально высказалась обтекающая Ольга Сергеевна.

– Гошка! – рявкнула Кира.

Объяснять было некогда, но мальчишка к ней рванул, словно скаковая лошадь. Спрятался за спину и сразу успокоился. Сестра же!

Кира его в обиду никому не даст!

– ПОЖАР!!! ГОРИМ!!!

Опешили все. Но что еще было кричать Кире?

Охрана? Пока еще дозовешься, да и наверняка охраннику перепало на лапу, чтобы он эту выдру в Центр детского творчества пропустил.

Учителей? Так кто еще отзовется, и когда, и вообще? Это как не надо, их не распихаешь. А как понадобится, так учителей днем с фонарем не разыщешь.

А вот на вопль «Пожар!» народ отлично высыпал. После некоторых событий это больной вопрос. Что горит, где горит – и куда удирать? Сразу же в коридоре стало не протолкнуться.

Ольга Сергеевна безнадежно завязла в потоке детей. А вот Кира и Гошка не растерялись. Кира схватила брата за руку – и рванула к противопожарному выходу, продолжая орать, словно сирена.

Ничего! Переживут! Сами эту пакость впустили, пусть сами и расплачиваются!

* * *

Роман не задерживался никогда. Не задержался он и в этот раз. И даже в лице переменился, узнав о случившемся.

– Так... ребята, срочно к Борису Викторовичу.

– Зачем? – заныла Кира, понимая, что ей сейчас и дадут

благодарностей, и добавляют. За все хорошее.

– Потому что ситуация может повториться. Хорошо, сейчас эта тетка пыталась поговорить. А если бы мальчика хотели похитить? Это вполне реально. И могло осуществиться даже сейчас. Сегодня уже.

Гошку аж затрясло, и Кира сгрэбла его в охапку.

– Цыц! Я в следующий раз ее вообще хлоркой оболью! Не бойся!

– Следующего раза быть не должно, – увесисто сказал Роман. – Кира, ты понимаешь, что, если Георгия вывезут за границу, вернуть его будет практически невозможно? Люди годами судятся, чтобы увидеть своих детей. Годами...

Дети вцепились друг в друга еще крепче.

– Русских за границей не слишком-то любят. И поверь, частенько – заслуженно. Есть отношение к местным, и есть к тем, кто «понаехали тут»... не всегда, но частенько⁵.

Кира фыркнула. Зло и ядовито.

– И взаимно. Нам знаешь, что историк сказал? Что Россия – действительно отсталая страна. Вот Англия концлагеря выдумала. Франция – гильотину. Германия впервые применила боевое отравляющее вещество. Есть им чем гордиться, определенно⁶.

---

⁵ Половина знакомых автора как раз к «понаехавшим туда» относится. Так что – на основании их историй. (Прим. авт.)

⁶ Англо-бурская война, доктор Гильотен родом из Франции и Первая мировая война. Крепость Осовец, Болимов и прочее. Хотя, справедливости ради, немцы тут слизали идею у французов, историк немного соврал Кире. Зато над ядерным

Роман качнул головой:

– Кира, это история. И ты меня отвлечь не пытайся. Факт прост. Грузия надо защищать. А что там еще изобретут просвещенные страны – их проблема. Лишь бы нас жизни учить не лезли.

Кира надулась. Фокус не удался.

А вот с математичкой можно было только начать говорить о политике – и все! Урок сорван! С Романом такой номер не прошел. Увы...

* * *

– Что эта старая... так, дети, заткните уши!

Дети переглянулись с видом «чего мы там не слышали».

Борис Викторович скрипнул зубами. И набрал номер Якова Александровича. погоди, зараза! Я тебя колой обливать не буду! Ты не могла не наследить! Сейчас изымем все записи, возьмем показания, что там еще надо... Да тебя к ребенку на километр не подпустят! И надо охрану.

Надо... надо защищать свою семью!

Только вот как это Анне рассказать? И ведь не скроешь, не получится ее защитить.

Вопреки его предположениям, Анна восприняла спокойно.

– Боря, наверное, мне надо с ней поговорить. Еще раз. В

оружием они начали работать первыми. (Прим. авт.)

присутствии юриста.

– Не думаю, что это поможет.

– Мне надо определиться, – честно сказала Анна. – Я не понимаю, чего она хочет. Увезти Георгия? Получить права на опеку? Что именно?

Савойский пожал плечами. В его представлении, такая дама, как Цветаева, могла хотеть и всего – и сразу. Такой характер. Что может дать Анне этот разговор?

– Я и сама не знаю, – призналась она.

Или знала?

Просто боялась сказать?

Анне было очень страшно. Сделать еще один шаг... и превратиться в чудовище. Но ради сына она станет кем угодно. Ради... да, и ради дочери.

Ее дети, ее муж, ее семья должны быть в безопасности. Даже когда ее не станет.

Глава 4

Свисали в тарелки цветы и плоды

Ида, Свободные герцогства

У Федора Михайловича было замечательное настроение. Бывают такие дни, когда хорошие новости плотненько одна к другой ложатся, что те кирпичики в мостовую, и не подко-вырнешь.

Приятно...

С утра ему позвонили из лечебницы.

Доктор Ромарио не просил – требовал новую партию чудо-лекарства.

Не на всех детей оно действовало. Но двое из уже обреченных начали... выздоравливать? Ромарио не мог пока в это поверить, но кашель затихал, кровохарканье уменьшилось, у детей, которым оставалось жить считанные месяцы, появился... шанс?

Маленький, но вполне реальный. Если продолжать прием лекарства.

Еще у двоих такого резкого улучшения не наступило, но ведь и ухудшения не было! А это замечательно! Просто замечательно!

Так что – лекарство!

Или – рецептом поделитесь?

Вообще Меншиков склонялся к последней версии. Взять патент, и пусть доктор земляных сверчков разводит. Это ж время нужно, место, опять же, условия для обработки... постоянно этим заниматься?

Фабрику покупать?

Можно и так, конечно. А можно и доктора в долю. И ведь тайну лекарства не убережешь, не получится. Рано или поздно разгадают.

Даже рано.

Поди полови медведку в промышленном количестве! И заметят, и быстро поймут, и научатся...

Патент, доля – и никаких проблем. Успеет он сливочки снять, пока остальные еще не поняли.

И просто хорошо – дети выздоравливают! Страшная это штука – кровавый кашель. Хорошо, что найдено... не то чтоб лекарство, но хоть какое спасение. Приятно!

А еще удалось заключить два выгодных договора на поставку пшенички. И склады арендовать по дешевке.

И с детьми все в порядке, и Мишка делом купеческим интересуется, вникать пытается... разве не радость для деда? И Машенька за ним тянется... С одной стороны, не стоило бы девочку такому учить, а с другой... страшное сейчас время. Все знания в копилку будут.

Все было просто замечательно. А потом скрипнула дверь.

В «Талларен» вошла дама с собачкой.

Нет, не карманной собачкой, которых носят вместо дамской сумочки. Или в сумочке. Рядом с девушкой вышагивал здоровущий пес дворянской породы. Холеный, ухоженный, в ошейнике, глядящий по сторонам с полной уверенностью в себе и в мире.

Он хозяйский.

Он нужный.

Он заступится за хозяйку, хозяйка заступится за него, вот все и будет в порядке. Правда-правда.

Не верите? А у нас зубы есть! А еще – лапы и хвост.

Зинаида огляделась по сторонам, но ни спросить не успела, ни даже начать искать кого-то глазами. Сбоку приблизился Гошка, который был внизу, в общем зале. Не сидеть же мальчишке в комнатах весь день?

– Зинаида Петровна?

Иного вопроса Иде и не потребовалось. Да и мальчик... Он был удивительно похож на Анну. И на Илью Алексева тоже, но нос у него точно был от матери. И улыбка. И нечто неуловимое, движения, умение себя держать...

– Георгий? Георгий Воронов?

– Да!

– А...

– А это мой друг. Потап.

Топыч поглядывал исподлобья и осторожничал. Мало ли какая там тора бывает! Это сначала она хорошая, а потом

еще как повернется! Тора Яна, конечно, за нее поручилась, но мало ли что и кто?

Долго ему размышлять не дали.

Зинаида сгребла обоих мальчишек в охапку и разрыдалась от счастья.

Она не одна!

И Яна... Анечка в порядке! Иначе бы...

Подскочил с места Меншиков, заметались слуги...

Полкан, единственный, кто сохранил спокойствие и достоинство, занял выжидательную позицию, Кусаться он не собирался, но преградил посторонним доступ к хозяйке. И вежливо сказал: «Гав». Негромко так, интеллигентно.

Дайте, торы и жомы, людям пообщаться! Сейчас чувства схлынут, и они смогут все объяснить. А пока – не мешайте. Я вас убедительно прошу.

Получилось так убедительно, что Ида и поплакать успела целых пять минут, и Гошку расцеловать, и Потапа стиснуть так, что бедняга с минуту просто вдохнуть пытался.

Сильная это штука – любовь.

* * *

Когда стихли первые восторги и начались расспросы...

Вот это уже все происходило не в общем зале. В номере уважаемого жома Меншикова. Нечего тут всяким-разным уши греть!

Федор Михайлович думал даже сына не допускать, но, как на грех, Михаил Федорович как раз был в общем зале. Так что мимо него не прошло бы...

Лучше сразу все прояснить, чем потом мучиться.

Первой слово взяла Ида. После трех фраз обязательных раскланиваний и беседы о погоде она уверенно перешла к делу. А и чего тянуть?

– Сестра мне написала и попросила позаботиться о племяннике. Вот я и приехала.

Написал ей Георгий, а Яна просто просила позаботиться о ее сыне, но какая разница? Это уже детали. Смысл все равно не поменяется.

– За Георгием? А сестра-то родная? Али как?

Федор Михайлович и сам видел, что родная. Или?..

Родная, чего уж там. Просто Анна старшая из княжон, а перед ним сейчас младшая. Вот ее он, кстати, узнал бы сразу. Ни темные волосы не спасли, ни нарочито простая прическа, ни мешковатая одежда. Аделина Шеллес-Альденская, как она есть!

Вот как в газетах печатали!

– Родная, – отрезала Ида, понимая, что врать не стоит. И то... Она по паспорту Зинаида Петровна Воронова. Яна ей специально такой достала.

А чего скрывать?

Петер – обычное имя. А ворон по Русине летает – не переловить. Никому и в голову не пришло ее подозревать. Здесь,

в Герцогствах, и подавно до нее никому дела не было.

– Мы... мы польщены... такая честь...

Жом Михаил попробовал встать и проблеять нечто невразумительное. Отец едва не за шкуру усадил его обратно. И правильно, ничего умного сын сейчас не сказал бы.

Ида сразила его наповал.

Яна – та титулом, все же не каждый день с вами императрица путешествует.

А вот Ида...

Красивая, нежная, вся словно фарфоровая куколка... Не видел он, как фарфоровая куколка, с руками по локоть в крови, ассистирует на операции. Или судно выносит из-под лежащего больного.

– Ваше... – начал было купец. Потом осекся.

– Тора Зинаида, – подсказала Ида. – Или тора Ида.

– Тора Ида, я вам детей так доверить не смогу.

Раньше Ида бы разгневалась. Но больница отлично учит и терпению и смирению.

– Почему?

– А что я торе Яне скажу?

– Правду.

– Тора Ида, тора Яна мне хоть и объяснила, что детей надо с вами отпустить, а все одно. Не могу я так, – развел руками Меншиков. – Не зная, где они, не зная, как живут... родные они мне, уж простите, коли обидел.

Ида махнула рукой.

Не обидел. Наоборот. Хорошо, что так получается. И купец готов защищать мальчишек любой ценой. Не только от нее, от любого защищал бы. Это правильно.

Она еще колебалась, стоит ли приходить или просто так детей увезти, но потом решила не привлекать к себе излишнего внимания. Мало ли с кем Меншиков знаком. Мало ли кто к нему приехал?

И детей он может отпустить к знакомой, почему нет? Детям материнская ласка нужна, женское воспитание, чтобы перегибов не было.

Ида понимала, что может привлечь к себе ненужное внимание, но... это и так может случиться. В любой момент. Она слишком похожа на мать. И ведет себя достаточно своеобразно. Хватит одного человека с хорошей памятью, и ее инкогнито рухнет.

– Все хорошо, жом. Ваши предложения?

– Я могу вас проводить, к примеру. И наведываться, коли позволите. Хоть иногда.

Ида задумалась.

– Вы серьезно намерены жить в Герцогствах?

– Да, тора Ида.

– Тогда нам найдется, что обсудить.

Ида знала, что в ее городке продается несколько неплохих домов. Почему бы жому Меншикову и не прикупить один? Купец на месте сидеть не будет, ему надо лавки открывать, торговлю налаживать, но и за домом кто-то приглядывать

должен, и за детьми.

Одних их не оставишь, и на сына рассчитывать сложно.

А так... они решили бы сразу несколько проблем.

Ида может пожить на два дома, к примеру. Пока купец в отъезде – у него, в остальное время у себя. Гошка тоже может жить, где ему понравится, и с друзьями не расстанется. Вон как с мальчиком сдружился. А девчушка и вообще в него вклецилась, не оторвешь.

Зачем огорчать детей? Им и так уже сколько бед выпало в их коротенькой жизни...

Дети были только рады предложению. И жом Михаил рад. Очень. И Ида довольно улыбалась.

Охрану купца она успела оценить. Армандо против этих вояк – щенок сопливый. Разгонят его только так, хоть вправо, хоть влево. А нет?

Может, они с жомом Михаилом взаимоуничтожатся? Вдруг ей повезет?

* * *

К чести Федора Михайловича, переехать он согласился не раздумывая.

Но сначала уточнил, водится ли на тех полях медведка. Очень полезное животное оказалось, за чудо-лекарство готовы были золотом по весу платить! Меншиков был не против. Но вот обнародовать главный компонент...

Страшновато как-то.

Узнают люди, что именно им скормили... может, и заплатят.

А может, и побьют. Больно. Ногами. Уж очень тварюшка неприглядная.

Русина, Хормельская волость

– Что Заручко?

Конечно, Никон не стал ожидать, пока Илья уйдет с его земель. Собрал людей и атаковал. А вперед себя послал отряд податамана Заручко.

Хороший вояка, и конник добрый... Задача была – налететь, потрепать, вывести из равновесия, разведать да и доложить. Сколько там, кого, чего ждать...

Так и получилось.

Заручко налетел, Илья его атаку отбил, но перейти в наступление не решился. Егор Заручко боя не принял, отступил через реку, по имени которой и волость название получила. Хормель...

Не то чтобы Хормель был широкой или глубокой рекой, нет. Но вот что пакостной, то пакостной. Местами глинистой, местами илистой, и коню в ней ногу сломать было – что всаднику с табачку чихнуть. Мост за собой податаман разрушил, и Илья как ни скрипел зубами, а переправляться не решился. Ну его... от греха!

А вот Заручко как раз речку знал.

И где можно переправиться, и как, и когда... и желательно следов не оставить.

Пару переправ он таки осуществил. Его люди, с пулеметами, нанесли Илье... не то чтобы значительные потери, но неприятно же!

Это и докладывали сейчас Никону.

Счастливым слушал и радовался. Пока все шло правильно.

А еще правильнее то, что Илья разозлился. И его полк послушно шел туда, где его и хотел видеть Никон: в ловушку под селом Егорьевка.

Хотя этого села им так и так не миновать было. Все ж транспортный узел.

Один из? Но важный.

Справятся ли? Посмотрим... пока все шло по плану.

* * *

Вечером следующего дня Илья Алексеев с отвращением смотрел на Егорьевку.

И это – село?!

Похабень какая-то, сплошные хатки, и те соломой крыты. Единственное здание под черепичной крышей – вокзал. Объяснять Илье, что солома соломе рознь, а глины тут в окрестностях нет, и черепица золотой получится, коли ее от-

куда везти, никто не стал. Да и к чему?

Пусть фыркает, его дело.

Илья фыркал, но задачи офицерам ставил. Хотя какая там задача?

– Я атакую вниз по холму. На всякий случай, вдруг у них есть пулеметы или еще что, рота Измествьева должна выйти к железнодорожному полотну и взорвать его. Рота Белкина – то же самое. С другой стороны. Что говорит разведка?

Разведчиков Илья не слишком любил – за независимость и высокое самомнение. Но понимал, что без них никуда.

Разведчики отвечали ему полной взаимностью, особенно их начальник, жом Мельников. Ну да, так получилось, что он своим умом и трудом выбился из простых.

Не тор.

Зато майор.

И Алексеев время от времени поглядывал на него... своеобразно. Вслух ничего не говорил, но ведь разведка же! Сложно ли узнать, что твой генерал тебя считает выскочкой и пролазой, который незаслуженно занимает свое место? И приятно ли?

Учитывая, что разведчики примерно такого же мнения и о генерале были. Вот уж кого бы в жизни генералом не сделали, когда б не война. А так не было у Валежного выбора. Только Илью это не оправдывало.

Шаркун паркетный. Тьфу!

– Никон идет к селу, – отчитался разведчик. – Будет уже

завтра, тор генерал. А пока там человек сто... может, сто пятьдесят. Не больше. И те... счастливчики, одно слово. Сброд с бору по сосенке, таких разметать – плевка не стоит.

О том, что Никон уже в селе, он говорить не стал. Ложная информация?

Да, вот так.

Но тут уж виноват сам Илья.

Жом Мельников и так поглядывал на сторону освобожденных, а после того, что творил генерал в несчастной волости...

Есть пределы всякому терпению. А поскольку подчиненных разведчик подбирал под себя, они и думали примерно одинаково. Можно убивать ради защиты. Но ради забавы?

В каждой чаше есть последняя капля. И если чаша переполняется, тут уж плевать на все. На любые слова и на любые дела.

В глазах Мельникова Алексеев перешел некую грань, за которой нельзя оставаться человеком...

Децимация⁷ была последней каплей. Эти места надолго запомнят Алексеева и надолго его возненавидят. Здесь детей не будут называть Илюшками.

– У них точно нет пулеметов, майор?

– Клянусь, тор генерал! Мы едва успели, но пока... там едва ли сотня человек. Ружья какие-то есть, как бы не прадедовских времен, это ж самое сердце волости, считай. Чего

---

⁷ Децимация – убийство каждого десятого. (Прим. авт.)

им тут защищаться? На границе у них патрули, а здесь-то, они считают, безопасно. Таких сел по волости много.

Илья глубокомысленно кивнул. Сомневаться ему и в голову не пришло. К чему?

Мысль, что Никон не дурак, тоже не приходила. Чего ей в пустоте делать? Хотя мог бы и подумать, что если имеется транспортная развязка, то защищать ее будут серьезно.

Не подумал.

– На рассвете – атакуем.

* * *

Говорят, белки чувствуют непогоду.

Скачет рыжуха по веткам? Все будет хорошо. Даже если небо все в тучах, скоро и разветрится, и снега не будет.

Спряталась в домик?

Жди беды. Уж морозов – всяко.

Женя Белкин тоже предчувствовал.

Вот как хотите... свербело!

Мозжило, тянуло, давило, плющило... сколько слов ни подбери, все одно – тяжело на душе. Нехорошо, неправильно.

Подошел денщик, присел рядом.

– Тор полковник, разрешите...

– Без чинов, Пахом, – отмахнулся Женя.

Какие там чины? Всю войну вместе, считай, под одним одеялом... последним куском хлеба делились. Давно уже не

хозяин и слуга. Давно уже друзья, крепче некуда. Пахом своего полковника опекает, что та нянька.

Женя никому не позволял и косо взглянуть на хромого вояку. Подумаешь, колено не гнется? Передвигаться быстро не может, только в седле себя хорошо чувствует... и что? Зато не предаст. А это куда как ценнее проворства.

– Соврал Мельников. Что хотите со мной делайте – соврал.

Женя насторожился.

– С чего ты решил?

– Я ведь деревенский, тор. Не забыл еще старых ухваток. Пошел сегодня на речку, рыбки половить, а река-то мутная.

– Илистая...

– Илистая, да не такая. Словно ее поверху где взмутили, а вниз облако пошло...

Женя кивнул:

Допустим. Река мутная, но тому могут быть и естественные причины. Необязательно ее кто-то вброд переходил или еще чего...

– Рыбы, почитай, нет. Словно распугали.

– Или сама ушла. Тоже бывает.

– Птиц не видно.

Женя вздохнул:

– Понимаешь, Пахом, сказать это Алексееву я могу. И добавлю, что беда идет. Неладное что-то. Знаешь, что он скажет?

– Знаю. Посмеется.

– То-то и оно. Приказ я получил, выполнять надо.

– Надо, тор. А нельзя ли его как-то иначе выполнить? Чтобы мы уйти успели? Ежели чего? Или не в том месте к насыпи выйти... не моего это ума дело, а все же...

Женя задумался.

Железнодорожное полотно через Хормель прокладывалось с учетом рельефа местности. Холмистой. И речка еще.

Поэтому Егорьевка была построена неподалеку от реки. А вот железнодорожная ветка огибала один холм, второй, некоторое время шла вдоль реки, пересекала реку... вот если там?

Илья отдал приказ перерезать пути, обойдя село слева. В принципе, Белкин так может и поступить. Обойти село, но пойти не к железнодорожным путям, не сразу... просто выйти придется на час раньше или чуточку задержаться с приказом...

Получится?

Должно.

Женя задумчиво кивнул и сам осознал, как ему стало вдруг легче. Теплее, что ли?

– И когда я так промерзнуть успел?

– А вот я сейчас чайку согрею, тор, у меня и заварка припрятана хорошая, еще с ранешних времен... не извольте беспокоиться, и медку ложечка найдется...

Пахом, которому тоже полегчало, захолопотал вокруг и то-

же подумал, что вечер какой-то сырой.

Промозглый, что ли?

Или это Хелла взгляд бросила? Вот душа и заледенела? Впрочем, на войне не до таких материй.

* * *

Рота Измествьева шла, как приказано.

Им надо было обойти село справа, выйти к железнодорожной ветке и перерезать ее. Так уж оно было расположено. Холм, ветка, которая его огибает как раз справа, потом переправа через реку, еще один холм, на этот раз слева – и в долине, собственно, Егорьевка.

Идти им предстояло достаточно долго – часа два-три, поэтому шли ходко. Им бы надо еще в час Волка выйти, да не получилось.

Разведка донесла, что все спокойно, подвоха никто не ждал... И когда сухо захлопали выстрелы, сначала даже не осознали, что происходит.

Потом уже, через пару минут... да, бросились на землю, отстреливались, но поздно, непоправимо поздно.

«Счастливики» расстреливали противника, словно в тире. Они-то эту местность знали, устроились заранее, засаду подготовили, окопались...

И палили по живым мишеням.

Никон хоть и был за анархию, но не у себя в войске. И

если кто решился бы послушаться его приказа... этим людям не посчастливилось бы. Рука у атамана была тяжелая.

Измутьев умер одним из первых.

Он так и не поменял свой блестящий гвардейский мундир на нечто более темное, простое... хотя война! Но ведь и задание было простое! Пройти, взорвать, вернуться...

Подвоха никто не ждал, а получилось...

На черной земле, на зеленой молоденькой травке остались лежать несколько десятков трупов. Остальные попросту попали в плен. И вскоре позавидовали мертвым.

Забегая вперед: Никон гуманностью не отличался. И пули жалел. Поэтому по-простому приказал своим ребятам поупражняться в «рубке лозы».

Вооруженные шашками, против безоружных...

Печальное зрелище. И мучительная смерть.

* * *

Рота Белкина шла ходко, сторожко поглядывая по сторонам. Все равно царапало что-то... неприятно было. Так что Белкин махнул рукой и пустил вперед своих разведчиков. Алексеевские – оно понятно, ходили, разведали. А у него и свои двое в роте есть. И пройдут, и выйдут, и кого хочешь выведут. Очень полезные люди. Один разведал, вернулся, второй пошел вперед...

Белкин и не удивился, когда ему доложили, что впереди

«счастливики». Стоят и словно ждут кого...

Стоят?

Ну... ладно! Лежат!

Хорошо устроились, секреты себе сделали, и так они сидят, чтобы дорогу к железке перекрыть. И ведь прямо по пути...

Обойти?

Белкин и не сомневался.

Обходить, и только обходить.

Или?

Если так подумать, ввязаться в драку они могут. И победить – тоже. «Счастливики» рассчитывают на одно, получают другое. Одно дело резать беззащитных, другое – воевать всерьез. Могут и дрогнуть, и побежать.

А могут и начать отстреливаться. Рота задержана, и дело не сделано. К Белкину помощь не придет, а к «счастливицам» – запросто. Нет, так не пойдет. Лучше их обойти стороной, да и к железной дороге. А там уж...

Разберемся – и на обратном пути можно перевестаться. А чтобы точно дело сделать – поделиться на две части. И шума меньше получится, и кто-то точно дойдет и плотно заминировать...

Белкин понимал, что шансов вернуться назад – мало. Но приказ надо выполнять. Даже если ты погибнешь, будет жить Русина.

Честь и верность – не пустые слова.

Заалела полоска на востоке.

Запели рога.

И всадники потекли вниз по склону, к беззащитному селу.

Они уже предвкушали победу. Они знали – сейчас они до-
скачут до мирных хижин, сейчас промчатся по улицам, вы-
зывая крики ужаса, сейчас обогрят свои сабли... если най-
дется кто-то противостоять им.

Сейчас...

Кажется, какие-то «счастливики» в селе есть. Сотня –
или две? Что ж, пусть бегут, кто успеет и сможет. А нет...

Илья скакал впереди.

Ветер бил ему в лицо, уносил дурные мысли. Всю ночь
ему толком не удавалось поспать. Почему-то снилась Анна,
которая грозила ему пальцем. И звучала, пробивалась сквозь
сон, дурацкая детская присказка.

Поменял добро на помойное ведро...

Откуда оно взялось? Как-то раз Гошка услышал ее на ули-
це и повторял целый день. Потом забыл, конечно, а у Ильи
и всплыло сейчас...

Поменял добро...

И не будет добра в его жизни. Зато будет азарт боя, схват-
ки... и когда он бросит к ее ногам знамена врага, она пой-
мет...

Она узнает...

Сейчас, вот уже немного... и все будет...

С двух сторон резко ударили пулеметы. Коня под Ильей убило первым же выстрелом, мужчина дернулся, вылетел из седла и полетел головой вперед в колючий куст. По-своему Алексееву даже повезло. Его не затоптали и не убили. Но оценить это везение Илья не мог. Он крепко приложился кудрявой головушкой о землю и потерял сознание.

* * *

Никон рассудил просто.

Допускать врага в село не стоит, там с ним справиться сложнее будет, да и железная дорога пострадать может. Перобьется.

А вот расстрелять на подходе...

Да со всем нашим удовольствием!

Поставить пулеметчиков в нужные места, чуточку подтолкнуть Алексеева к нужному решению – это ж не Валежный, не Логинов! Собственно – никто! Шаркун паркетный, выполнять чужие приказы он может, а вот свои раздавать...

Разве что за неимением лучшего.

Поэтому Никон сговорился с разведчиками, которых выслал Илья. Четверых пришлось сложить под кустик, остальные согласились, потом Счастливый поставил приманкой небольшой отряд – и расставил пулеметы.

Илья пошел вниз по склону, в этот момент в дело вступили пулеметы и в бок атакующим ударили конники, начисто вырубая ошеломленного противника.

Запах крови и запах взрытой копытами земли, запах дыма и пороха, конского и человеческого пота – все смешалось в прозрачном утреннем воздухе. И крики...

Жутковатая симфония смерти.

Крики боли, стоны, проклятия, ругательства и мольбы людей, крики коней... вы не слышали, как кричит раненая лошадь? Вам повезло...

Грохот орудий и треск пулеметов, свист рассеченного острым железом воздуха...

На войне – не просто страшно.

На войне умирают.

Пехота?

Так и на пехоту нашлось свое средство. Железная ж до рога!

То есть – дрезины. Которые тихо-тихо, без шума, подошли ночью в нужное место, которые подвезли нечто нужное. Особой пехоты у Счастливого не было, но были орудия.

А вот и...

Грохотнула пушка. И еще раз, довершая разгром...

Или...

Не пушка?!

Никон, который с удовольствием наблюдал разгром врага, даже не вступая в бой сам (он что – идиот Алексеев?) обер-

нулся. Грохот донесся не с той стороны, в которую подвезли пушки.

Грохот донесся...

Проклятие!

Алексеева-то Никон разнесет в пух и прах!

Но есть подозрение, что железная дорога тоже потеряна.

* * *

Когда до Белкина донесся шум боя...

Не может такого быть?

Да вот еще как может! Когда сшибаются несколько тысяч людей и с одной, и с другой стороны, слышно очень хорошо. И пушки.

И пулеметы...

А еще – дрожит земля, которую обильно поливают кровью. Кровью людей, которым жить бы да жить. Кровью родных ее детей...

Она дрожит и плачет, она стонет и трепещет от ударов. И это тоже чувствуется...

Белкин знал, что идет бой. И... это не стычка, на которую рассчитывал Алексеев. О нет! Здесь все серьезнее. А голоса пушек и вообще слышны издали.

– Тор, никак наши бьются?

Пахом был рядом. И чему бы тут удивляться?

Белкин вздохнул.

– У нас есть приказ. Выполняем. А пока... Федот, Силан-
тий – давайте-ка назад. Посмотрите, что там за обстановка,
да и доложите. Мы вас подождем... в леске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.